

КОЛЬСКИЙ ПАТЕРИК. КНИГА VII

ЕПИСКОП МИТРОФАН (БАДАНИН)

**ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ТРИФОНА,
ПЕЧЕНГСКОГО ЧУДОТВОРЦА**

Издательство «Ладан»
Санкт-Петербург – Североморск
2017

Житие преподобного Трифона, Печенгского чудотворца. В изложении епископа Митрофана (Баданина). – Санкт Петербург – Североморск: Изд. Ладан, 2017. – 88 с.: ил. – (Кольский патерик: Книга VII).

ISBN 978-5-9907265-9-8

Серия книг под названием «Кольский патерик» посвящена жизнеописаниям как прославленных Церковью святых земли Кольской, так и иных подвижников веры и благочестия, достойных патриотов Русского Севера, своей жизнью и смертью исповедавших евангельские истины.

В седьмой книге серии – «Житие преподобного Трифона Печенгского чудотворца» – раскрываются суть и спасительное величие жизненного подвига одного из выдающихся подвижников Севера – преподобного Трифона Печенгского, просветителя Великой Лапландии и основателя знаменитого Свято-Троицкого Трифонова Печенгского монастыря.

ISBN 978-5-9907265-9-8

© Епископ Митрофан (Баданин), 2017

ΩΔ
ΠΡΠ

ТРИ
ФОН
Ъ

ПЕЧЕНГСКІЙ

НЕ ЛЮБИТЕ
МИРА И А
ЖЕ В МИРЕ
ПОДВИЖАЙ
ТЕСА ГАС
РЕУ
СТАНИ

От издателя

Предлагаемое читателю Житие преподобного Трифона, Печенгского чудотворца в изложении епископа Митрофана (Баданина), правящего архиерея Североморской епархии и священноархимандрита Трифонова Печенгского монастыря, является плодом двадцатилетних исследований автора.

Подробное научно-историческое исследование с целью обоснования всех фактов Жития великого печенгского старца было проведено автором при написании кандидатской диссертации на тему: «Житие преподобного Трифона Печенгского и история Печенгского монастыря в свете новых и малоизученных исторических документов. Опыт критического переосмысления». Эта диссертация была успешно защищена на кафедре истории Русской Церкви ПСТГУ в 2008 году и издана в 2009 году под названием: «Преподобный Трифон Печенгский. Исторические материалы к написанию жития» (Мурманск – СПб., 2009. – Православные подвижники Кольского Севера: Книга IV). По многочисленным просьбам почитателей памяти преподобного Трифона этот труд будет переиздан в 2017 году.

«Близь града Торжка»

«Сей святой великий проповедник и пустынный житель преподобный отец Трифон рождение и воспитание имел в Новгородских пределах, близь града Торжка, от священных и благочестиво живущих родителей»¹, что на современном языке означает, что будущий святой был родом из семьи священника.

Родившийся в июне 1485 года и получивший в крещении имя Митрофан² будущий великий святой Русского Севера с раннего детства, «взирая на праведное пребывание родителей своих и подражая благочестию их», был им великим утешением, ибо рос «изрядным постником, кротким и милостивым» мальчиком. При этом с годами стало понятно, что юноша от рождения награжден от Господа богатырским телосложением, исполинской силой и отменным здоровьем.

По традиции того времени сын попа должен был следовать по отцовским стопам. Однако приложиться ко стезе своих предков Митрофану не прилучилось. Статный и скромный отрок из благочестивой семьи священника приглянулся кому-то из местных торжковских князей или бояр, может самому «наместнику великокняжескому Василию Китаю». Так или иначе, Митрофан был взят прислугой в богатый дом присматривать за боярскими детьми. Конечно, это было большим облегчением для родителей Митрофана, поскольку «содержание приходского духовенства в то время было чрезвычайяно скудное».

Так юный Митрофан оказался оторванным от родной семьи, от благочестивых традиций и скромных обычаев. Живя в боярском доме, Митрофан приобщался иного духа, иных приоритетов, ибо в те времена первой обязанностью мужчин высшего сословия была военная служба и ратные подвиги. Войны, как с соседями формирующегося Московского государства, так и «междоусобные брани», являлись обычным фоном жизни на рубеже XV–XVI веков. Сам Торжок, родной город Митрофана, не так давно, в 1478 году был «повоеван» Московским князем Иваном III в составе всей Новгородской вольницы.

¹ Здесь и далее курсивом выделены цитаты из наиболее древних источников посвященных житию прп. Трифона: Житие прп. Трифона Печенгского, просветителя лопарей // Православный собеседник. Казань, 1859. Ч. 2. С. 89–120; «Канон преподобному Трифану Печенгскому чудотворцу», «Канон преподобному Варламу Керетьцкому, новому чудотворцу». Рукописное собрание Псковского музея-заповедника. Ф. Никандровой пустыни. № 292; *Курбский Андрей*. История о Великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. 2 пол. XVI в. М., 1986. С. 324–347.

² В честь свт. Митрофана, первого Патриарха Константинопольского (+325). Память 4 июня.

Набиравшая силу молодая Московская Русь утверждала себя как внутри страны, так и на ее границах. Государь и великий князь Василий Иванович воевал с Казанью, Литвой, Швецией.

Война с последней то угасала, то разгоралась. Громадные северные территории Ижоры, Карелии, Ботнии, Каяни и Лапландии имели весьма неопределенные линии границ, с установленным еще древними новгородскими князьями и норвежскими конунгами статусом так называемой «двоеданности». Создавать здесь постоянные поселения и строить укрепления запрещалось текстами соответствующих договоров: *«Ни мы, ни вы не должны сооружать укреплений, ни в Руси, ни в Карелии»*.

Однако простой народ, как с восточной, так и с западной стороны, видя великое природное богатство края и не обращая внимания на договорный статус этих земель, стремился прочно обосновываться здесь. Беззащит-

ность таких поселений привлекала с обеих сторон множество разбойного люда, жаждавшего легкой добычи. «Право сильного», беззаконие, убийства и грабежи были обычным фоном жизни этих мест, постоянно тлевших очагами вооруженных конфликтов, временами переходящих в настоящие войны, которые часто напоминали карательные экспедиции.

В 1505 году по завещанию Ивана III, большая часть земель российских и богатые города отходили к новому великому князю – Василию III. Однако самодержавный дух великих князей династии Рюриковичей был еще не столь силен. Часть земель и городов завещалась и остальным (младшим) сыновьям Ивана III и его братьям. «Торжок в Новгородской же земле, Карельскую землю всю со лопью, с лешюю и с дикою» получил в вотчину князь Ф.И. Бельский. Так решилась судьба Митрофана. Родной Торжок оказался связан с Великой Лапландией. Воеводы и дружинники торжковские по долгу службы перед князем ходили «воевать шведа и каянских немцев», наводя порядок на спорных границах «земли карельской».

В дружине боярской

Вскоре с дружиной боярской стал хаживать в это вечно беспокойное приграничье и юный Митрофан. Так формировался он «в мужа зело храброго и искусного в богатырских вещах». Имея отменные физические данные и чувствуя в себе особые способности к войне, этот редкий и жестокий талант профессионального воина, Митрофан вскоре уже не мог жить без этой ратной работы, без упоения боем, схватками и победами. Эта была особая всепоглощающая страсть, ненасытная жажда очередного опьянения риском борьбы, запахом крови и смерти. Он все больше упивался своей богатырской силой, и той неукротимой, бешеной яростью, которая всякий раз вздымалась в нем, при виде противника, порождая неудержимое, почти звериное, желание уничтожить всякого кто посмеет встать на его пути.

Временами Митрофан начинал понимать, что в такие моменты перестает быть самим собой, не отвечает за свои поступки, не владеет своими чувствами. Товарищи по ратному делу старались держаться от него подальше, а старые воины сокрушенно качали головами: «Нельзя позволять “зверю” взятъ над собой власть, сила “зверя” погубит душу воина».

Но воин Митрофан уже не мог, да и не хотел отказываться от этой силы. Он уже ни за что не согласился бы опять стать таким как все. Он – выше всех, у него есть то, чего нет у других, и пусть все боятся и уважают его. Он гордится собой, он лучший, ибо нет равного ему. Он – избраннык «богов».

Во всем мире было лишь одно живое существо, о котором не забыл в своем горделивом одиночестве воин Митрофан и при воспоминании о котором, теплело его сердце, смирялся его жестокий нрав. Дочь боярская, девочка Леля, еще недавно росшая под его присмотром неожиданно превратилась в милую барышню. И вскоре стало понятно, что девица Елена решительно завладела сердцем сурового воина. Чудным образом ее доброта и скромность преображали душу Митрофана, исцеляя его окаменевшее сердце. При встрече с ней в его памяти пробуждались воспоминания детства, возвращая к иным временам, когда *«взирал он на праведное пребывание родителей своих и подражал благочестию их»* и старался *«наче прилеплятися Богови, посещая церковь святую Его»*.

И Елена помнила другого Митрофана, доброго и застенчивого юношу, пришедшего жить в их дом, в которого влюбилась, будучи совсем еще ребенком. Она чувствовала, как болеет душа избранника, какие темные силы владеют ее возлюбленным богатырем. Впрочем, она и сама была уже как в горячке, чувствуя, что не в силах свернуть с погибельного пути, преодолеть власть страсти.

Юные влюбленные хорошо понимали, что надежды безродному воину добиться руки благородной Елены, нет никакой. Сильнейшие чувства, взаимные и всепоглощающие не оставляли им выбора. Роковое решение было принято: бежать вдвоем из боярского дома, пока не раскрылась их тайна, и гнев родителя не разлучил бы их навсегда. В шведском приграничье, в Остерботнии и Каяни по-прежнему было беспокойно. Митрофан хорошо знал эти края. Знал он и места, где обитают там свободные, лихие люди: бывшие воины, беглые крестьяне, провинившиеся холопы-сбои. Именно туда устремились беглецы добыть себе имя и воинскую славу, дабы вернуться с повинной, да с богатой добычей, и может тогда упросить отца Елены благословить их брак.

Эти районы Остерботнии, Каяни¹, где самовольно селились финны, были те самые «восемь рек», которые совсем недавно в 1497 году «повоевал» Иван III и жителей одной из этих рек – Лименги даже привел в подданство России. Незаконность этих поселений на территории, считавшейся ничейной, провоцировала их разорение с российской стороны. Считаясь подданными шведской короны, но не имея официального статуса, эти финские поселения, не могли рассчитывать на государственную помощь и защиту.

¹ Остерботния, Каянь – финские земли на восточном побережье Ботнического залива.

То привычное дело, которое дружинник Митрофан мог делать на войне по воле великого князя, теперь он надумал творить по своей воле, может, и не до конца уяснив, что теперь он не воин государев, а разбойник-душегуб.

Все точки над «i» расставило заключенное в 1510 году, перемирие со Швецией сроком на 60 лет. Назад пути не было: воин Митрофан превратился в главаря шайки разбойников. И «много разбойники пролили крови честных христиан».

Атаман Митрофан

Скоро по всему побережью Ботнического залива заговорили о страшном атамане, который со своими друзьями подельниками подмял под себя все финские и карельские селения края. Исполинская сила и неукротимая ярость атамана Митрофана не знали пощады и не терпели преград. Огнем и мечом подчинил он этот богатый край своей жестокой единоличной воле. Жестоко и не сомневаясь творил он суд и расправу над каждым, кто вставал на его пути, и осмеливался усомниться в его превосходстве.

Единственной и последней надеждой на спасение была возможность получить заступничество со стороны его «царицы Елены». Неумолимый атаман никогда и ни в чем не оказывал ей, просто не мог отказать, поскольку горячо и нежно любил Митрофан эту милую целительницу его мятущейся и искалеченной души.

Любовь соединяла молодых людей, но это была страсть, плотское влечение, не освященное церковной благодатью. «Днем с полюбовницей тешился, ночью набеги творил». Кровь и грабежи, беззаконие силы и несправедное богатство, обильные трапезы с винными возлияниями все безжалостнее искажали облик Митрофана, неумолимо уродуя его душу. Голландский путешественник Симон ван Салинген много позже запишет рассказ самого Митрофана (к тому времени уже Трифона) о том периоде его жизни: «Много народу ограбил и разорил он на границе и много крови пролил»¹. Елена, как повествует предание, всячески старалась сдерживать буйство Митрофана: «Пользуясь своим влиянием на удалого атамана, она часто спасала многих людей от смерти и укрощала его дикий нрав»².

¹ Филиппов А. М. Русские в Лапландии в XVI веке // Литературный вестник. СПб., 1901. Т. 1. Кн. 3. С. 302.

² Печенгский монастырь, ныне исчезнувший с лица земли. Предание, добавленное архивными данными. Изд. Т.Ф. Кузина. СПб., 1893. С. 3.

Сколько продлилась эта их «вольная» жизнь? Видимо, недолго. Приближалась неизбежная развязка. Завершался 1513 год. Тяжесть содеянного, груз грехов становились все невыносимее. Невинно пролитая кровь взывала к небу об отмщении. Митрофан искал забытья в спиртном. Он пил все больше и, напиваясь, все чаще терял контроль над собой, и порой был не в состоянии отвечать за свои поступки. Елена, пытаясь удержать возлюбленного от дальнейшего падения, все чаще убеждалась в своем бессилии. Автор древнего Канона, посвященного Трифону, от его лица описывает состояние

души разбойника: «отвержен бо был во глубину сердца морского зол моих».

И вот на одной из очередных попок некий юноша, «слуга Митрофана, был обвинен товарищами в измене»¹. Не разбираясь, в хмельной ярости атаман схватил топор, намереваясь казнить «изменника». На пути его встала Елена, призывая опомниться и не творить беззаконие. Но в этот раз кротость и доброта Елены не смирили безумца. Вдобавок, кто-то из его подельников усмехнулся – «чего это так защищает, уж не любовница ли его?» Дикая ревность помутила рассудок Митрофана – взмах топора – и Елена упала бездыханной к его ногам²...

«Беззакония моя превзыдоша главу мою... яко бремя тяжкое отяготеша на мне» (Пс.37,5). Наступила катастрофа. Та, ради которой Митрофан ушел в жизнь незаконную, та, которая заменила ему все – веру, благочестие и любовь к Самому Господу, ныне бездыханна и погублена его же руками. Свершилось правосудие Божие, ибо *«нечестивого и любящего насилие ненавидит Господь, дождем прольет Он на нечестивых горящие угли, огонь и серу. Палящий ветер – их доля из чаши» (Пс. 10, 5; 6).*

Божий призыв

Глубочайшее потрясение и скорбь овладели душой протрезвевшего разбойника. Нигде не находил он себе ни пристанища, ни покоя. Изнемогая от душевных мук, с трудом забываясь в горячечном сне, он вновь и вновь видел перед собой свою Елену. Его возлюбленная глядела ему в глаза, звала к покаянию и плакала вместе с ним о гибели его души. «Обратись ко Господу, – вновь и вновь звучал в голове Митрофана родной голос, – ты не обретешь мира и покоя ни в этой жизни, ни в загробной, пока не принесешь Богу достойный плод покаяния»³. Небывалые чувства захлестнули душу Митрофана. Милосердный Господь протягивал ему Свою руку спасения. Плач горького раскаяния, ужас осознанных тяжких грехов и бесконечное сожаление о кровавых беззакониях прежней своей жизни глубоко потрясли душу бывшего разбойника.

Бросив все свое богатство, оставив подельников, не прощаясь и не оглядываясь, грозный атаман пошел прочь от прежней жизни. Современник

¹ Фрисс Я. А. Печенгский монастырь в Русской Лапландии // Вестник Европы. СПб., 1885. С. 262. (Далее ссылки на этот источник будут обозначаться: Фрисс. Печенгский монастырь.)

² Предание норвежских лопарей уточняет: «...Он метнул топор в тех, кто противился его воле, молодых и непокорных, и попал в голову Элине» (St. Georg's Greskorthodoxe Kapell. Kirkenes, 1978. P. 9.

³ St. Georg's Greskorthodoxe Kapell. P. 9.

Трифона пишет в Каноне об этих его переживаниях: *«возненавидел мира сего наслаждение. Да не погрузит мене буря водная, ни же да пожретъ мене глубина. Лютыми страстей наветы обуреваем есмь и прилоги греховными погружаем»*. Ища уединения, не разбирая дорог, блуждал он по дремучим лесам, заходил в глухие, безмолвные пустыни. Все, что раньше тешило его самолюбие, радовало и являлось его гордостью, стало ненавистно. Богатая одежда, дорогие ткани и белье, все, что так потакало страстям Митрофана, было отвергнуто навсегда. Отныне он вовсе отказался носить белье; грубое рубище – вот чего заслуживала теперь его грешная плоть. Шитый золотом и украшенный драгоценными камнями пояс, на котором носил он свое разбойное оружие, отныне заменил ему металлический обруч-вериги, оковавший Митрофана как гнусного преступника перед Богом и людьми.

Он шел все дальше и дальше на Север, по безлюдной, *«непроходной, дальней стране»*. Рыба и дикие коренья отныне были его пищей. *«Никакого питья, в котором есть хмель, ни мяса вкушать более он не смел»*¹ – таков был его обет перед Господом. *«И вдали от всех людей, в пустыне, среди диких зверей каяться перед Богом»*, – так сам Трифон завершил рассказ голландскому путешественнику о своей грешной юности².

Плач и покаяние

Наступил 1514 год. Двигаясь на Север известным торговым путем вдоль рек Норботнии, через озеро Инари, вышел Митрофан к устью реки Паз, к знаменитому Варяжскому заливу, к Варангер-фьорду. Дальше пути не было, перед ним простиралось великое Студеное море-океан. Так *«прииде Преподобный на Приморие великого моря-окияна, в часть Норванския земли»*.

Наступил долгий и изнурительный период тяжелых душевных мук Митрофана, его сердечного плача и горького покаяния. *«Непрестанно во слезах и молитвах и в сокрушении сердца пометал себя о землю перед Богом»*, – тяжкие грехи и слезное покаяние *«пометает»* его, могучего воина, на *«землю перед Богом»* в сокрушении сердца. Это припадание к земле, *«пометание о землю»*, неизбежно сопровождает каждого человека, ставшего на путь глубокого раскаяния, острого переживания своей греховной немощи,

¹ Печенгский монастырь, ныне исчезнувший с лица земли. С. 3.

² «Трифон (Triffaen) рассказывал о том, как он начал строить монастырь в Монкенфьорде, что побудило его к этому, и как он до этого дошел и проч... Много народу ограбил и разорил он на границе и много крови пролил, в чем раскаялся и о чем горько сожалел» (Цит. по: Филиппов. Русские в Лапландии. С. 302).

предельного сокрушения сердца о грехах: «Когда на меня находил соблазн похоти, то я повергалась на землю и обливалась слезами... Поверженная на землю, я не вставала день и ночь, пока свет не озарял меня и не отгонял смущавшие меня мысли»¹.

Митрофан мужественно несет свой покаянный крест и нет для него пути назад, к прежней греховной жизни. «Невозвратно шествовал ведиущими к небеси стезями, отче, преподобне Трифоне, – пишет автор древнего Канона, – от злых ведиущих до конца уклонился еси».

Митрофан скитался по диким, безлюдным пустыням Крайнего Севера, обрекая себя на тяжкие испытания, изнуряя и терзая свое грешное тело голодом, холодом, зноем, мошкаррой, ежедневной угрозой смерти от дикого зверя и всем тем, чем так богата суровая северная земля. «Окрест выше писанья реки Печеньги, бездомно и бескровно, по лесам и по горам, и в пропастях земных скитался, странствуя».

Брань духовная

«Так прожил он значительное время, вовсе не видя людей, не ел ничего, кроме рыбы, которую сам ловил, кореньев и ягод, которые собирал в лесу»², – запишет позже голландец Салинген рассказ преподобного Трифона.

Это добровольное скитание и аскеза, которые претерпевал Митрофан, и спасительные перемены, что совершались в его душе, не могли не породить яростного противодействия темных сил преисподней в виде тяжелых и «бесчисленных» «пустынных страхований». Об этих переменах, происходивших в душе бывшего разбойника, свидетельствуют строки древнего Канона: «Страстное поработил еси плотское мудрование и горшее покорил еси лучшему, отче преславне, сокрушил еси выя бесам».

Нестерпимо было князю бесовскому, торжествовавшему уже свою окончательную победу над Митрофаном, видеть эти очистительные слезы и молитвы кающегося грешника, предчувствовать, что зреет грозный воин Христов, стойкий боец с древней нечистью этих мест. И враг яростно нападает на Митрофана устрашающими видениями бесовскими. «В пустыни бесчисленно принял от бесов и от всяких пустынных страхований... препятствия».

¹ Жития святых, изложенные по руководству Четых Минея Св. Димитрия Ростовского. М., 1906. Кн. 8. С. 17.

² Филиппов. Русские в Лапландии. С. 302.

Жития соловецких подвижников того времени подробно описывают виды и образы действия сил бесовских в таких «пустынных страхованиях». Пустынная нечисть является подвижнику в первые год-два в виде разбойников, «черных диаволов», воинов в доспехах, женщин в прекрасных одеяниях или в жутком образе иных слуг князя тьмы. Сначала угрожают и пугают подвижника, требуя покинуть им принадлежащие земли. В дальнейшем возможны и тяжкие побои, и мучения, даже до полусмерти. При таких жестоких нападениях неизменно являлась помощь от Господа в виде благолепных старцев (обычно почивших подвижников этих мест), либо светозарных юношей, которые исцеляли и ободряли претерпевшего.

Много позже, в 1568 году, Трифон расскажет голландскому путешественнику о тех годах и поведаст, что для своего уединения «он в одном месте, вверх от Монкенфорта (Monchenfort – форт монахов) построил небольшую келью, взял с собой иконы, перед которыми молился Богу, прожил там значительное время, вовсе не видя людей»¹. Много еще должно было свершиться в грешной душе разбойника, пока не призовет его Господь на главное дело его жизни, на евангельскую проповедь. Ну а пока что, как пишется в Каноне, будущий святой сделал немало: «разнал страстей мрак». Одиночество и пустыня его земной удел: «преподобный отец Трифон в той непроходной дальней стране был един пришелец».

Конечно, Митрофан не мог не сталкиваться с аборигенами края лопарями и биармийцами (приполярной чудью). Но первые годы общения Трифона с местными народами, его переговоры с ними сводились лишь к нехитрым житейским надобностям. Как формулируется это в древнем тексте: к «беседам о куплях». Этот период совместного мирного проживания, изучения нравов, быта и языка был очень важен для будущего проповедника. Митрофан уже имел словарный же запас элементарных понятий, поскольку предыдущая его «жизнь и деятельность» так или иначе была связана с Лапландией.

В этой связи явлением особого Промысла Божьего о Митрофане как о будущем Трифоне и знаковым событием его жизни явилась встреча с будущим духовным наставником и учителем Феодоритом.

¹ Филитов. Русские в Лапландии. С. 302

Учитель Феодорит

Встреча Митрофана со святым подвижником, книжником, богословом и духоносным старцем Феодоритом Кольским состоялась около 1519 года. При всей очевидной внешней несхожести этих двух подвижников, этих двух величественных фигур и самобытных характеров, они явили собой удивительный союз единомышленников, верных соразработчиков в великом деле просвещения Земель Северных, оглашения племени лопарского. Сохранились воспоминания Феодорита об этой исторической встрече, записанные князем А. Курбским: *«Вселяется Феодорит в тех лесных пустынях непроходимых. По нескольких месяцах встречается там одного старца, пустычника – помнится, Митрофан было имя ему – пришедшего в эту пустыню пред ним, где-то лет за пять. И пребывают они вкупе (вместе) в прегорчайшей пустыне той Богом хранимы»*.

Феодорит, с юных лет *«разжегшийся желанием пустынного жительства»*, готовящий себя к просвещению *«глубоких варваров, лопарей диких»*, явился тем носителем Божественного гласа, который открыл Митрофану его новое предназначение, Промысл Господа о его новом поприще. Отныне не только личное спасение через покаяние и плач о своих грехах, но и сердечное сокрушение о грехах ближних, пребывающих во тьме языческого нечестия, и милосердная забота о просвещении сущих во *«мраке тяжкого идолюбесия»* – удел отшельника Митрофана.

Но начало пути православного подвижника и просветителя – это постижение науки *«умного молитвенного делания»*, стяжание Святого Духа для *«спасения самого себя»*, дабы *«вокруг могли спастись тысячи»*.

Около пяти-шести лет постигал Митрофан эту великую науку, пребывая *«вкупе»* с Феодоритом и научаясь *«священнобезмолвию»* иноческого жития. Думается, что и свой первый навык евангельской проповеди на лопарском языке Митрофан приобрел в совместных с Феодоритом опытах живого общения с лопарями.

Примерно в 1524 году подвижники разделились и приступили к оглашению лопарского народа в двух различных районах его обитания.

Феодорит отправился с проповедью в районы реки Нивы, к Кандалакшскому заливу, в места обитания *«лешей лопи»* и *«лопи Верхней Земли»*. Здесь уже в 1526 году он добивается видимых успехов, строит церковь и готовит многих *«лоплян ко крещению»*. Об этих событиях мы узнаем из Ростовской летописи: *«К жителям Киндолажской губы, или лопарям, великий князь посылал священника и диакона. Сии, нашедши у них много уже зна-*

ния о христианстве, вскоре многих крестили и воздвигли храм во имя Рождества Иоанна Крестителя и в память духовного рождения крестившихся»¹. Священником, присланным к лопарям, был известный миссионер и книжник иероинков Илия (Тучков), доверенное лицо новгородского Владыки Макария и настоятель владычного домового храма Рождества Христова. Дьяконом, как можно догадаться, был иеродиакон Феодорит (Жиденев).

¹ Начертание Церковной истории от Библейских времен до XVII века. Отд. II. СПб., 1877. С. 440.

На Печенгу

Причина расставания двух подвижников, скорее всего, была чисто практической. Учитель Феодорит почувствовал, что Митрофан достаточно укрепился духом и вполне готов к самостоятельной евангельской проповеди среди язычников. Однако нельзя исключить и фактор весьма «сложного» характера старца Митрофана.

Так или иначе, в 1524 году Митрофан возвращается в места своих покаянных первоначальных скитаний – в район реки Печенги. Он идет к своим давним знакомым, к лопарям из обнаруженного им ранее поселения в устье реки Маны (Намайоки).

Возвращение Митрофана на «*приморие великого океана, в часть норвежской земли*», теперь имело осознанную цель: просветить светом веры Христовой любезных ему печенгских лопарей. «Тогда задумал он построить небольшую часовенку. Сам рубил для нее бревна в печенгском лесу и носил их на своих плечах. В этой часовне поставил иконы, им же самим написанные»¹. Часовенку эту Митрофан поставил у лопарского погоста «Печенска зимня»². В наше время здесь находится поселок Корзуново.

Место это так и осталось для него самым дорогим и памятным. Позже, в 1530 году, когда Митрофан приступил к созданию «монастыря первоначального», он поставил Свято-Троицкую монастырскую церковь несколько ниже по течению, там, где в Печенгу впадает река Мана и где место более уединенное³. Это и понятно: надо было отделить лопарей-монахов от их родового лопарского поселения. В наше время именно здесь восстановлена обитель и возрождена монашеская жизнь.

Позже, когда основной монастырь к 1550-м годам переместится в устье Печенги, эта церковь окажется не более чем приходской для зимнего Печенгского лопарского погоста. В истории же это место будет называться как «место первоначальное Печенгского монастыря». Описывая все то, что осталось здесь через 90 лет, царский писарь Алай Михалков в 1610 году запишет: «После немецких людей приходу... здесь место церковное Живоначальная Троицы, да тут же лежит начальник Печенгского монастыря строитель Трифон, а над ним сделана часовня»⁴.

¹ Печенгский монастырь, ныне исчезнувший с лица земли. С. 4.

² Огородников Е. Мурманский и Терский берега по книге Большого Чертежа. СПб., 1869. С. 53.

³ «на устье реки Маны монастырь Печенгской первоначальный, а в нем церковь деревянная ж Троицы Живоначальные...». Харузин. Русские лопари. С. 432.

⁴ Там же.

Так непростая и бурная история древнего монастыря на Печенге началась и закончилась Троицкой часовенкой у лопарского погоста.

«Духи злобы поднебесные»

Устойчивость преданий о Северных, «полнощных» землях как о древней вотчине князя тьмы, где под мрачными скалами «пылает огонь неугасимый», подкреплялась сообщениями путешественников, современников Трифона: «Видели в этих странах высочайшие горы, подобные Этне, постоянно извергающие пламя, и что в самой Норвегии многие горы разрушились от постоянного горения. Некоторые ... утверждают, что там находится чистилищный огонь»¹.

О том, каков был населяющий эти земли «народ лопарский», красноречиво высказываются современники Трифона: «Ни один народ на земле не занимается столько волшебством и чародейством, как лопари»².

Не имея иных средств к защите своих семей, саамы (лопари), этот небольшой кочевой народ, в полной мере освоили возможности сотрудничества с «духами нечистыми», призывая их в помощь и используя для этого целый арсенал магических приемов. «Знание этого искусства для них совершенно необходимо, – свидетельствует историк Петр Клауд, – так как иначе они терпели бы неисчислимые бедствия и от пришельцев, и от своих же земляков».

Говоря о «земляках», автор в первую очередь имеет в виду биармийцев, или приполярную чуди. Устойчивые воспоминания об этом народе «чуди» сохранились в многочисленных местных преданиях и сказаниях аборигенов северного края и «концентрируются они на территории Северной Норвегии и российского Кольского полуострова»³. Эти воспоминания носят сугубо отрицательный оттенок. «Предания о чуди Северной Норвегии могут быть сведены к выражению “они источали зло”»⁴. Лопари запомнили их как жестоких угнетателей, и приводят многочисленные случаи кровавых разорений лопарских поселений, а также историй отмщения, когда отряды чуди гибли от колдовского искусства лопарей.

¹ Середонин С. М. Сочинения Джильса Флетчера как исторический источник. СПб., 1891. С. 138.

² Середонин С. М. С. 140.

³ Дранникова Н.В., Ларсен Р. Репрезентация чуди в норвежском и русском фольклоре // Живая старина. 2006. №2. С. 21.

⁴ Larsen A.S., Larsen R. Hodelose menn og ihjelfrosne haikere: levende sagntradisjon fra Nord-Norge. Tromsø, Eureka forlag. 2002. P. 30.

Но и сами биармийцы слыли известными колдунами. «Жители Биармии, – пишет Олаф Магнус, – искусны в чаровании людей. Взглядом, словами или какими-нибудь другими действиями они умеют так связывать людей, что те лишаются здравого рассудка, теряют свободу воли и часто совершают непонятные поступки». Саксон Грамматик приводит такой пример волшебства биармцев в описании одной битвы: «Тогда биармцы сменили силу оружия на искусство своего волшебства, дикими песнями наполнили они свод небесный, и мигом на ясном до тех пор солнечном небе собрались тучи и полил сильнейший ливень».

Можно представить, насколько тяжок был труд проповедника Слова Божьего на земле, коренное население которой пребывало во мраке тяжкого язычества, повседневно и буднично общаясь с силами тьмы, с «духами злобы поднебесными». Принципиальное отличие этого народа от иных малых языческих народов Севера, Сибири или Дальнего Востока состояло в том, что здесь не существовало института родового жречества. Каждый лопарь рождался для того, чтобы стать колдуном, и он не состоялся как лопарь, если не стал «нойдом» (лопарским колдуном). Можно сказать, что лопарь – колдун по определению, независимо от возраста и пола, что тоже свидетельствует об уникальности лопарских магических традиций. Подчас, даже, наиболее умелыми («знающими») нойдами были лопарские женщины. «На Севере везде боятся лапландских женщин, как ведьм, в распоряжении которых состоит сам злой дух, обязанный повиноваться их воле»¹. При этом «в могуществе волхвований они обладают далеко не равными силами. Демоны составляют часть наследства рода, и часто одна семья кичится перед другой тем, что имеет более могущественных» (писатель Иоган Торней, XVII в.).

Лопарей-нойдов для демонстрации колдовских приемов привозили и к царю Василию III, и к Иоанну Грозному. Шведский король Магнус направляя в Русскую Лапландию своих эмиссаров, дабы изучить «возможности применения лопарского искусства боевой магии» в предстоящей войне с русскими.

Житие Трифона довольно образно описывает духовно-нравственное устройство жителей Лапландии, «народа лопарского». «Живущие в нечестии и в самом поганском идолобесии, яко звери дикие, почитающие бесов, кланяющиеся делу рук человеческих и боготворящие гадов и ночных нетопырей (летучих мышей. – Е. М.) и иных ползающих животных, и едящие все нечистое и скверное».

¹ Диксон В. Швейцарцы. Приложение в 6-и главах / Свободная Россия. СПб., 1872. С. 355.

Брань духовная

Тяжек и опасен был труд проповедника Слова Божьего на земле Северной, коренное население которой пребывает во мраке тяжкого язычества, повседневно и буднично общаясь с силами тьмы, с *«духами злобы поднебесной»* (Еф. 6, 12). В европейских странах к тому времени сложилось устойчивое представление о Лапландии не иначе как о стране ужасов и злого чародейства. Даже такие неустрашимые воины, как викинги, называли лопарей *«языческими чудовищами»*¹. Но преподобный смело выходит на эту духовную брань: *«Всею душою потщался еси искоренить эллинские бесовская мудрования и от зверского устремления свободити люди, тяжкия и суровыя»*.

Итак, Митрофан приступил к лопарям Печенгского погоста с проповедью Слова Божьего. *«Начал любезно сказывать о слепоте их и о диавольском омрачении»*. Вот тут-то он в полной мере и уяснил суть апостольского предупреждения о необходимости пребывать *«во вся оружия Божия, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять»* (Еф. 6, 13), ибо *«наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных»* (Еф. 6, 12). А также с благодарностью вспомнил науку умной молитвы, что преподавал ему Феодорит, науку *«храбрых воинов Христовых, яже воюют против начал властей темных, миродержцев века сего»*.

Лопари, живущие в постоянном, будничном общении с духами нечистыми, прибегая к их помощи во всех житейских бедах и нуждах, находились в полной их власти и с неизменной готовностью творили волю бесовскую, исполняя любое повеление этих *«духов злобы поднебесной»*. Житие хорошо передает, что началось с лопарями, как только в этих мрачных, колдовских местах раздалось евангельское Благовестие: *«разъярились яко звери, исповедимые делая пакости праведнику Божию, за власы таская, и о землю метая, и толкая и избивая и вопяще на него, что если от пределов их не изыдет и попробует еще к ним подойти, то примет горькую муку и саму смерть примет»*.

Об этом периоде проповеди Трифона сами лопари еще в начале XX века вспоминали: *«Народ лопарский не хотел принимать святое крещение и делал разные неприятности святому Трифону. Раз собрались большой толпой к нему, и когда преподобный Трифон вышел, они схватили его за волосы и долгое время волокли его, вследствие чего он оплешивел. Бог наказал ло-*

¹ Фон Фиркс И. Суда викингов. Л., 1982. С. 5.

парей за это и сделал так, что между лопарями теперь много плешивых (Масельга, Нотозеро, Сонгелы)»¹.

Преподобный неоднократно подвергался смертельной угрозе, «но Бог хранил его. Когда он приходил к ним (лопарям), они отводили его на ночлег к медвежьей берлоге, подмешивали сору и всякого зелья в еду и питье, которое он употреблял, и всячески мучили его»². И, конечно же, более всего применяли излюбленный прием бесовский – всяческие чародейские устрашения: «яко львы, на благовестника Христова рыкаху и яко медведи ревуше и различно страшаше». Надо думать, искусство так называемой «боевой магии»³ – «чарований бесовских» – было использовано лопарскими нойдами (колдунами) в полную силу.

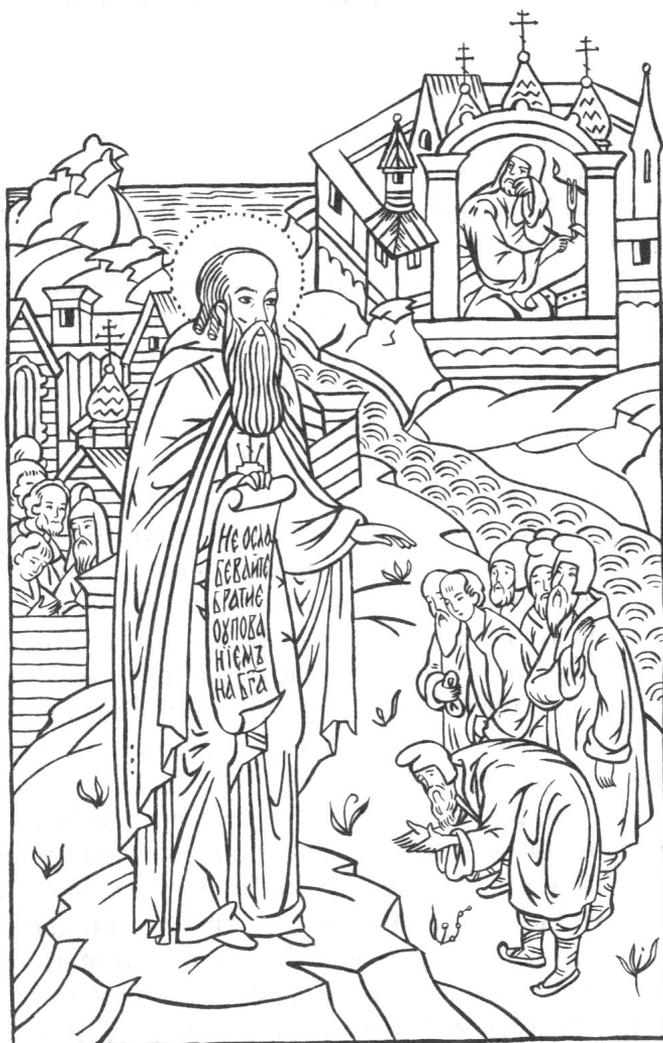
Преподобный Трифон, вдохновенно и смело возвещавший весть о спасении на берегах Студеного моря, не был оставлен Божественным попечением и сподобился многих чудесных дарований. «Господь Бог многократно от рук, желающих крови и смерти Преподобного чудесным образом спасал, своим Божиим мановением наставляя сокрыватися в горах и в расщелинах каменных... Иногда Святой проходил сквозь них, злобою ослепленных, и не видим им был». Когда же проповедовал «о дьявольском их пленении и об омрачении их обличал, призывая к Царствию Божьему, к Единому Царствующему над всем», то многие из народа «из уст его яко светлость огня видевшие исходящую, дивилися и на лицо его святое, как у ангела зряще, начинали сердца своего жестокие образы умягчать и семя Слова Божия в него принимать».

Самым невероятным, изумлявшим лопарей фактом были те терпение и любовь, с которыми переносил этот могучий богатырь все побои и издевательства, что творили ему низкорослые и тщедушные лопари. Никогда ни с чем подобным они раньше не сталкивались. Им, жившем в постоянном страхе и в угнетении, привыкшим к жестокой несправедливости со стороны многочисленных пришельцев, было непонятно, почему так ведет себя этот одинокий отшельник. И все более притягательным становилось для них это невиданное новое учение милосердия и добра, что сумел заронить в их сердца этот странный человек. «Своими молитвами, яко диких зверей, укротил еси и на пажить живоносную наставив, ко Христовой вере, яко овчат, привел еси».

¹ Харузин. Русские лопари. С. 210.

² Филиппов. Русские в Лапландии. С. 263.

³ Возможности использования против неприятеля колдовских приемов («боевой магии») лапландцев в XVII веке всесторонне изучались учеными Шведского Королевства. См.: Scheffer, Iohanne. The History of Lapland. Gerhard, 1674.

Так среди общей массы язычников стали появляться сочувствующие, которые стали защищать святого благовестника: *«Не имеем в нем вины; глаголет нам он о добре, о Царствии Божиим, смерть нарицает сном, да не уснем, а воскреснем, так что пока оставим его, но если вину какую обрящем, уж тогда страшною смертию убили его; и изгоняли его, как хулителя их слепоты и жизни омраченной... Преподобный же от сонма их уходя, радовался, что за проповедь во имя Иисуса Христа воспринял биение и многое бесчестие».*

Это был долгий и изнурительный труд просветителя. Полночные земли зачарованной Похьёлы, древнее колдовское Лукоморье, нехотя и упорствуя,

расставались с языческим мраком безбожия. *«В том благовестии святой муж доброго желания потрудился немало лет».*

Митрофан Печенгский

Об одиноком подвижнике, живущем при часовенке в дремучем лесу и просвещающим «дикую лопь» верой евангельской, заговорили.

«Русские рыбопромышленники, каждое лето посещавшие Мурманский берег, стали охотно навещать часовню преподобного и уделяли десятую часть со своего улова»¹. Прослышали об удивительном святом месте на краю земли и богомольцы, приходившие в Соловецкий монастырь. Наиболее усердные из них стали добираться до Печенги. Считалось хорошим и целительным делом унести с собой пучки травы, собранной вокруг часовенки и кельи отшельника. Многие жертвовали «на помин души». Постепенно у Митрофана стали собираться средства на устройство настоящей церкви, о чем просили его и промышленники-поморы: «Где церковь православная – там и земля родная».

К тому времени и многие лопари «окрест рек Печенги и Пазреки», покоренные кротостью и любовью Митрофана, уверовали в Истинного Бога и желали принять святое Крещение, а иные задумывались и об иноческих обетах. *«Но святым Крещением их не просветил, понеже не имел Преподобный иерея».*

В 1530 году соратник Трифона на ниве просвещения иеродиакон Феодорит, вернувшийся из кандалакшских пределов и теперь трудившийся над оглашением кольских лопарей, надумал идти к новгородскому Владыке – просить благословения на строительство Благовещенской церкви в Коле. Вместе с Феодоритом впервые после многолетнего пустынножительства решился пойти и Митрофан. Идти на поклон к архиепископу надо было в родные новгородские пределы – *«и оттоле обратися к Нову Граду».* Необходимость в строительстве церкви на Печенге также требовала взять *«у архиепископа благословенную грамоту»* на постройку.

Кроме того, у Митрофана была еще одна очень важная причина для встречи с архиереем. Причина эта – потребность воссоединиться с Церковью после тех страшных лет разбойной юности. Душа остро нуждалась в покаянии, в спасительной силе церковных Таинств. Также подвижнику было нужно властное благословение на нынешнюю миссионерскую деятельность.

¹ Филиппов. Русские в Лапландии. С. 263.

Время для своего хождения в Новгород Митрофан выбрал не случайно. Прошло уже 17 лет с момента начала покаянного пути Трифона в лопарских пустынях. Книжник Феодорит в те долгие зимние вечера, когда *«пробывали они вкупе»*, подробно просветил Митрофана в канонических правилах Русской Православной Церкви. В соответствии с апостольскими правилами и правилами Василия Великого, *«волею убивший и потом покаявшийся двадцать лет да будет без причастия Святых Таин»*¹. Так что совершенные Митрофаном грехи убийства требовали полной 20-летней покаянной епитимии. Отлучение от Причастия – епитимия, которой отшельник сам, по внушению Божьему, невольно подверг себя, длилась уже 17 лет.

Встреча с новгородским архиереем состоялась, но, тем не менее, в этом 1530 году столь необходимый Митрофану монашеский постриг владыка Макарий не совершил. Что поделаешь, *«много крови пролил на границе»* атаман Митрофан, и срок отлучения от Причастия сокращен ему не был. Надо было ждать до 1533 года.

Что же касается благословенной грамоты на строительство церкви, то ее Митрофан получил и даже нанял строителей, *«приведе с собой церковных сдателей»* – рубить на Печенге храм, *«начат строити церковь во имя Святых и Живоначальных Троицы»*.

Троицкая церковь

Троицкую церковь в Печенге построили быстро, за сезон. Новгородские строители торопились: предстояла еще большая работа – рубка двух церквей в Коле: *«Благовещения Святой Богородицы, да Чудотворца Николы...»*².

Готовая церковь на Печенге *«неким Божиим смотрением пребысть три лета»* неосвященной. Причина, думается, ясна: еще три года было назначено Митрофану нести церковную епитимию, дабы исполнилась полная мера двадцатилетнего врачевания духовного.

Митрофан знает: архиепископ Новгородский, несомненно, не забыл ни о нем, ни о его лопарях, ни о церкви. Владыка Макарий явился именно тем человеком, который, обладая государственным мышлением, в полной мере почувствовал великий Промысл Божий, возложенный на этого удивитель-

¹ Правила Православной Церкви с толкованиями епископа Никодима. Троице-Сергиева Лавра. 1996. С. 484.

² Софийская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. 6. СПб., 1863. С. 289.

ного мужа со столь непростой судьбой. На этого разбойника, ставшего светлым подвижником лопарских пустыней, и на ту громадную потребность в нем для набирающей силу державы Российской, с Божией помощью, утверждающей свою государственность в тех «полночных», суровых землях.

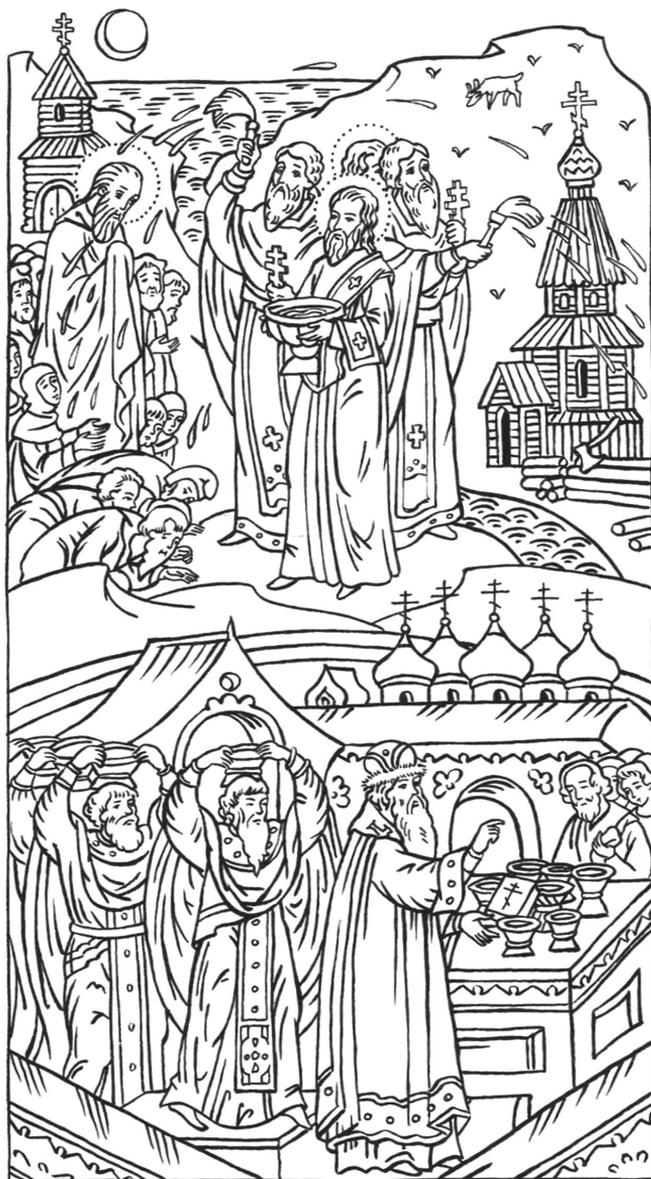
И вот, «*после трех лет прииде Преподобный в волостку Колу. И там, Божиим строением обрете иероинока Илию*». Это был знаменитый миссионер и книжник, автор многих служб и канонов, настоятель владычного домового храма Рождества Христова в Новгороде иеромонах Илия (Тучков). Отец Илия, прибывший в Колу от владыки Макария в конце 1532 года, конечно же, имел все полномочия и обладал всей информацией и о Коле, и о Печенге. Добравшийся в самую темень и непогоду, этот иеромонах вместе с диаконом Феодоритом и «детьми боярскими» в ноябре-декабре 1532 года совершили великое дело. «Лета 1531 года била челом великому князю Диколопская земля, с мурман, сказывают, крестилось их 60 человек в Православную Христову веру. И Князь Великий прислал в Новгород к архиепископу Макарию, что б архиепископ послал в их землю своего собора священника и дьякона, да у них бы они, приехав служили сорок обедней, да крестили бы их, которые похотят. А не хотящих не нудить. И архиепископ Макарий, по государеву слову послал с ними в их землю своего собора попа с дьяконом крестити их и уставити у них церковный чин у церквей, а дьяки великого князя Яков Васильев сын Шишкин, да Дмитрий Васильев сын Великой, по государеву слову, послали с ними из государевой казны колокол в пол трети пуда без двадцати гривенок и книги церковные, и иконы, и кресты, и ризы служебные, весь чин церковный, и ругу церковную уставили из Великого Князя казны»¹.

Этих неизменных спутников, иероинока Илию и иеродиакона Феодорита, «*боголюбивый архиепископ Макарий*» направил «от соборных церкви святей Софии кумирскую прелесть искоренить и просветить Божественным учением»² «*полнощные*» земли на самом Севере Европы.

Летопись неизменно подчеркивает важную последовательность: сначала битье челом лоплян к великому князю о принятии православной веры, затем повеление государя новгородскому архиерею, и уже после того отправка священников для установления «чина церковного», дабы они «ехавши церкви

¹ РГБ. Собр. Большакова Т. Ф. № 333. Л. 122 об., 123. Надо иметь в виду, что год на Руси начинался с первого сентября и описанное в летописи «установление церковного чина» состоялось уже в наступившем 1532 году.

² Насонов А. Псковские летописи // Прибавления. Летописный отрывок из архивского 3-го списка. Вып. 1. М.-Л., 1941. С. 141–142.

Божия освящали, и самих многих Лоплян крестили за Святым Носом во имя Отца и Сына и Святого Духа, в нашу православную и святую веру»¹.

Освящение двух церквей в Коле и крещение лопарских семей района Колы и Туломы потребовало тогда, как мы видим, немало времени. Одних

¹ Софийские летописи // Полное Собрание Русских Летописей. СПб., 1853. Т. 6. С. 289.

только обедней (Божественных литургий) было отслужено четыре десятка. Таким же был и порядок крещения лопи и освящения церкви на Печенге.

Рождение Трифона

Митрофан (Трифон), находясь в это время на Печенге, Духом Святым прозрев о приходе своих друзей и единомышленников, поспешил к ним в Колу. Летописи свидетельствуют, что приход миссионера Илии прозревали все «чистые сердцем»: «иные младенцы пророчествовали за три дня, и за два, и за день, глаголюще: «Гости к нам будут», – едва глаголати могущие»¹.

Встреча в Коле наших северных миссионеров дала возможность обсудить духовную ситуацию в крае. Было ясно, что эти земли «полнощные» нехотя и с трудом расстаются с древним прельщением бесовским. Много еще встречали наши просветители во время своих «хождений» неблагополучия духовного и страшных рецидивов язычества у ранее крещенных северных народов.

Эта информация легла в основу знаменитого доклада в 1534 году новгородского владыки Макария царю Иоанну Васильевичу «О прелести кумирской...» в северных новгородских землях. «...В тех местах прельщаемы человеки от невидимаго врага диавола, являясь по званию христианами, обычаев держатся от древних прародителей... Слышно, что втайне детей своих в жертву закалают и образы святых икон огню предают, всячески диаволу угождая, и всякие кудесы творят, чтобы с бесами им беседовать...»². Эти духовные проблемы в инородческих новгородских землях всегда находились в центре внимания Владыки: «Боголюбивый же архиепископ Макарий во святей Софии молебны пел и воду святил со всем священным собором, и с тою священою водою и своею посыльною грамотою послал своего священника инока Илию кумирскую прелесть искоренить и просветить Божественным учением».

С окончанием «установления чина церковного» в Коле, Трифон, «взяв с собой иероинока Илию паки прииде на реку Печенгу, где во имя Живоначальныя Троицы построена церковь. Ту святую церковь иероинок Илия освятил и лопарей, которых преподобный отец Трифон породил словом проповеди, он тому иероиноку повелел просветить святым крещением. И от того же иерои-

¹ Насонов А. Псковские летописи. С. 142.

² Там же. С. 143.

нока Илии преподобный отец наш Трифон духом и сердцем правый инок и знаменосец¹ соделался».

Свершилось. Не стало прежнего Митрофана – родился инок Трифон. Чудотворец Печенгский и просветитель лопарей. Постриг состоялся 1 февраля 1533 года, на память мученика Трифона.

«Новопросвещенные же народы лопарские от усердия своего, от имений своих, приносили серебро и вещи и, яко пред ногами апостольскими, преподобного отца Трифона при ногах полагали. Иные же земли, и озера, и реки, и к морским угодиям воды подавали и письменными заветами утверждали».

Обратимся к записям голландца Салингена о том, что он слышал от Трифона об этом периоде его жизни: «Молва о его святой жизни распространилась в других местах, и его стало посещать много народа. Так как они просили его о том, чтобы он построил тут церковь, где можно было бы совершать богослужения, то он выстроил небольшую часовню, куда пригласил черного попа, который служил ему обедню и прочее; и тогда же надел он на себя клобук. После построения часовни его стало посещать еще больше народу. В общем, к часовне приезжали рыбаки и жертвовали рыбу в пользу часовни»².

О том, что «клобук надел» Трифону иеромонах Илия, мы уже знаем. Что же относительно некоего «черного попа», который «служил ему», то речь идет о иеромонахе Ионе. Как известно, преподобный Иона неизменно был при Трифоне в течение пятидесяти лет. Позже, уже после кончины учителя он продолжал служить при его могиле. Истории появления этого удивительного подвижника на Печенге, навсегда оставшегося с Трифоном, мы коснемся ниже.

«Плотию крепок»

В эпизоде Жития, где повествуется о строительстве Трифоном Троицкой церкви, мы встречаем одно из многих указаний на великолепные физические данные подвижника: *«в ночах в непрестанных молитвах пребывая, днем за три поприща³ на плечах своих для церковного строения бревна и тес*

¹ «Знаменосец» – в данном случае – «схимник», в иных древних текстах может означать «чудотворец», то есть «творящий знамения».

² Филиппов. Русские в Лапландии. С. 303.

³ Поприще – «мера расстояния мест. Равно приблизительно 690 сажень». Дьяченко. Полный церковнославянский словарь. С. 457. «Сажень – мера длины, равная 2,134 метра». Беловинский Л., Конт Ф. Полузабытые слова и значения: Словарь русской культуры XVIII–XIX вв. СПб.-М., 2004. С. 437. Таким образом, «поприще» – расстояние около полутора километров.

и иное потребное носил». Совершенно очевидно, что для того, чтобы на такое расстояние одному носить бревна¹, надо обладать уникальной физической силой. И действительно, преподобный Трифон помимо своей высочайшей святости обладал завидными физическими данными. Об этом говорит и тот факт, достаточно редкий для агиографической традиции, когда в Житии дается описание внешнего вида святого: *«Ростом святой не мал, плотию крепок, мало плешив»*. В этих сознательно сдержанных характеристиках проступает образ истинного русского богатыря, способного, например, нести на себе мельничные *«жернова ручные, немалые и тяжкие»* из Колы до Печенги, а это более 150 километров, и при этом, несмотря на *«путь блатный и гористый»*, строго поститься. *«Ученики его молили, да не трудился бы он так лично»*, на что преподобный отвечал, *«глаголя к себе: лучше тебе Трифон на вые своей висящий точильный камень носить, нежели братию праздностью соблазнять»*.

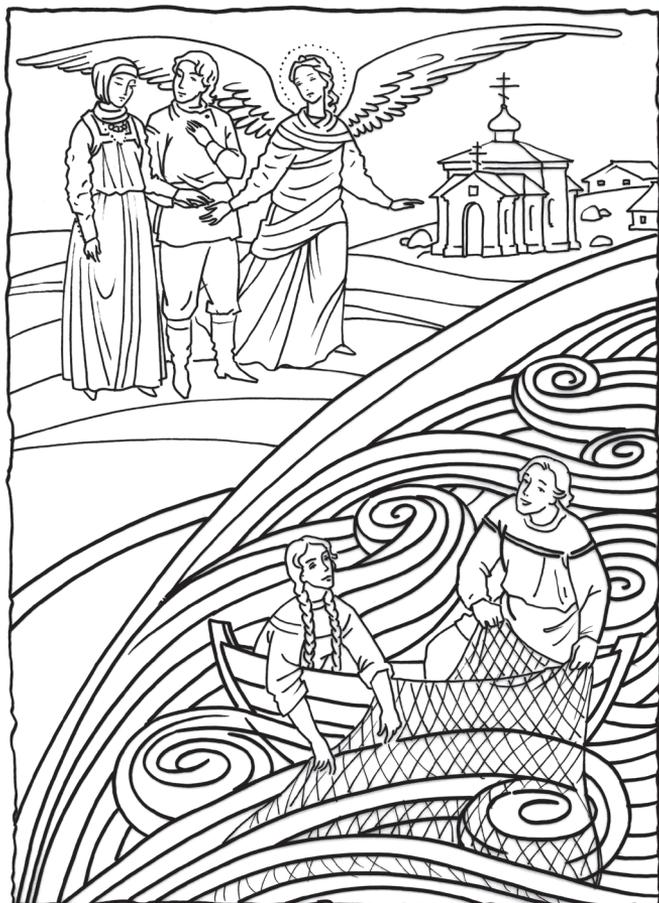
В этой связи следует еще раз подчеркнуть особую значимость описания бесконечного смирения этого силача и гиганта перед обычно низкорослыми и тщедушными лопарями, издевающимися и всячески поносящими его. Лапландские аборигены нашли в лице преподобного Трифона благодатный пример жертвенной любви. При этом отметим, что насколько старец с добротой и бесконечным терпением относился к своим низкорослым чадцам, настолько этот богатырь и воин был непримирим и безжалостен к тем многочисленными непрошеным гостям, что приходили грабить и обижать его духовных детей.

Удивительно много было жизненных сил в этом мощном теле, и тем значимее подвиг преподобного, так жестоко смирявшего и уничтожавшего свою богатырскую плоть, да еще столь долгое время. Аж 98 лет отпустил Господь жизни Трифону на этой земле, и лишь перед самой смертью, *«в старости маститой... впал он в болезнь и изнемог зело»*.

Черный поп Иона

Никольская церковь в Коле была перестроена из прежней часовни, что еще с XV века стояла на этом месте. Кола уже была местом большой промысловой активности, и построенным Благовещенской и Никольской церквям требовался постоянный священник. Таким пастырем стал отец Иоанн, с супругой перебравшийся сюда из известного поморского села Варзуги.

¹ Длина бревна для строительства – минимум четыре метра, но обычно – шесть.

Об этом так же позаботился «*боголюбивый архиепископ Макарий*»: «*Во граде Коле, в соборе чудотворца Николы и во всем граде един иерей был, именовался Иоанном*»¹. «*Первый и единственный священник в Коле, приходский стал быть к 6 декабря 1533 года*»², то есть к престольному празднику села, к «*Николе Зимнему*».

Вскоре «*супруга роди ему дочь. По рождении же оному непросвещенному младенцу прилучися зело болеть, и по общему совету с супругою крестиша ее*»³. Так повествует рукопись Печенгского монастыря № 3 и далее

¹ Агиографический сборник с «*Житием преподобного Трифона Печенгского*». 2-я пол. 1780-х гг. РГАДА, Рук. Собрание Ф. Ф. Мазурина, ф. 196. оп. 1. № 634. Л. 196.

² *Никодим, архимандрит*. Архангельский патерик. Архангельск, 1902. С. 224.

³ Там же. С. 227. То есть крестил сам родитель, вынужденно, «*по-скорую*», что является исключением из правил: «*Священник для крещения своих детей приглашает другого... (Ном., 209)*» (Булгаков С. В. Настольная книга священно-церковно-служителя. М., 1993. С. 973).

добавляет: «и тоя ради вины остави супругу и дщерь в дому и отъиде во обитель святого и бысть ему ученик»¹.

На первый взгляд, поступок «попа Иоанна», бросившего жену с ребенком, может показаться странным и, более того, вызвать осуждение. Однако в случае с отцом Иоанном имеет место ситуация, оговоренная в 53-м Правиле VI Вселенского Собора. Мать ребенка, жена священника, была вынуждена сама стать восприемницей своей дочери, поскольку, надо понимать, кроме нее иных женщин, могущих стать крестными, в Коле в тот момент не оказалось. Откладывать же крещение было нельзя: «младенцу прилучися зело болети», и была угроза, что девочка умрет некрещеной, и это тяжелейшим грехом легло бы на родителей. «И по общему совету» отец Иоанн с матушкой приняли эту волю Божию и окрестили дочь.

Но в таком случае, как они понимали, вступают в силу неумолимые каноны: «Понеже родство по духу есть важнее союза по телу... да отступят от сего незаконного супружества»², что и было свято исполнено батюшкой с матушкой. Вот почему и какой «ради вины» поп Иоанн «оставил супругу и дщерь в дому и отъиде во обитель Святого и бысть ему ученик и от Преподобного навиче искусного монашества. И потом благословлен иеромонахом»³. Имя Иоанну в постриге было дано Иона. Так начал свой долгий, пятидесятилетний путь монастырской жизни при старце Трифоне иеромонах Иона Печенгский. Путь, завершившийся в 1589 году при могиле своего духовного отца славным венцом преподобномученика.

Судьба Варлаама

В 1534 году, когда случилась эта история с кольским попом Иваном, иеродиакон Феодорит вместе с иеромонахом Илией пребывали в очередном миссионерском путешествии по Лапландии и Карелии. В это время в Новгород к владыке Макарию, пришло известие с Печенги. Строитель Печенгского монастыря монах Трифон сообщал о том, какая история приключилась с настоятелем кольских церквей попом Иоанном, который

¹ «Книга жития преподобного отца нашего Трифона Печенгского чудотворца», что находилась в библиотеке Печенгского монастыря под № 3». Калугин. Житие Трифона Печенгского в письменности... С. 420.

² Правила Православной Церкви с толкованиями епископа Никодима (Милаша) // VI Вселенского Собора правило 53. Троице-Сергиева Лавра, 1996. Т. 1. С. 538.

³ Никодим. Архангельский патерик. С. 227.

ныне смиренно просит о монашеском постриге. И еще о том, сколь глубоко Печенгский «новоначальный» монастырь нуждается в грамотном священнике, о чем он, Трифон нижайше просит Его Высокопреосвященство. Из всего сказанного, кроме того вытекало, что в Колу теперь нужен новый настоятель.

Стратегическое значение Колы как российского оплота на Кольском Севере ясно понимали и в Новгороде, и в Москве. В кольских церквях, построенных и освященных в 1532 году тщианием Феодорита и волей великого князя, непременно должен быть священник.

Выбор пал на юношу-помора именем Василий из древнего рыбацкого села Кереть. Скажем сразу: пройдет не так много времени, и молодой поп Василий станет святым подвижником, преподобным Варлаамом Керетским,

жизнь и подвиги которого вскоре потрясут не только современников, но и, пройдя сквозь века, оставят неизгладимый след в сердце каждого морехода Русского Севера на все времена.

Воспитание Василий получил на Поморье, «*на море окияне*». Это было обретение особого состояния духа, что с молоком матери усваивает каждый житель этих суровых мест. Здесь, среди скал Северного Ледовитого океана, формировалось то удивительное братство мореплавателей-поморов, которые воспринимали ежедневную смертельную опасность как норму жизни. Так же, как и его предки, с давних времен на небольших карбасах, лодях и шняках, «шитых вицею», ходил в море и Василий. «Кто в море не хаживал, тот Богу не маливался» – гласит поморская поговорка. Ежедневно и буднично «хаживали» поморы на тяжкий промысел, дабы в бушующем море обрести веру, познать Бога и открыть для себя смысл великой тайны жизни и смерти.

С юности Василий сподобился приобщиться книжному учению, был грамотен – «*научен книгам и Божиим судом поставлен пресвитером в Кольском граде в церкви Николы чудотворца*». И вот, с 1535 года отец Василий приступил к служению в Никольском приходе волости Колы. Будущий Варлаам был ревностным и одаренным священником «*и людей Закону Божию яко истинный пастырь поучал*». Нравом он был суров и порой крут, но честен и чист пред Богом и людьми. Еще сильно скорбел он о тяжком «идолобесии», о вере языческой, в которой пребывали еще многие лопарские семьи – коренные жители этих мест. Кольский батюшка смело противостоял этой власти князя тьмы, издревле сильной на Кольском Севере, и, «*добре подвизаясь на невидимого врага козни*», вступил в опасную схватку с «*тьмой века сего*» (Еф. 6, 12).

Закляв древнего демона, который, требуя жертвоприношений на языческом капище Абрам-мыса, запирает вход в Кольский залив, сильно озлобил молодой священник эту силу бесовскую. Однако до времени она затаилась. С тех пор путь из залива в море стал свободен, страхи и наваждения бесовские исчезли, и жертвы языческие на мысу прекратились.

Во всем помощницей отцу Василию была его матушка, которую он любил всем своим горячим сердцем, и лишь ради этой любви оставил мечты об иночестве. И жил он «*с супругою в любви и целомудрии во граде Коле, всем людем на успех и на пользу, диаволу же и бесом на рвение и на зависть*».

Кольский священник с матушкой, тяготея к монастырскому укладу, были частыми гостями у старца Трифона в Печенгском монастыре, где с некото-

рых пор подвизался их предшественник по службе в Кольской церкви поп Иоанн, ставший теперь иеромонахом Ионой.

Однако время шло, и вскоре, в 1540 году, в Коле образовался Свято-Троицкий мужской монастырь, основанный духовным отцом Василия, преподобным Феодоритом Кольским, другом и сомолитвенником преподобного Трифона Печенгского. Священник Василий с матушкой указом новгородского Владыки Макария были переведены на приход Георгиевской церкви, в родное село Кереть.

Монастырь Печенгский новоначальный

Равно как и монастырь, основанный преподобным Трифоном на Печенге, «Печенгский новоначальный», эта обитель стала центром активного миссионерства на северо-западе Кольского края. Для Печенгского монастыря пятнадцать лет его существования, с 1533 по 1548 годы, оказались «золотым временем» монашеской жизни на Печенге.

В этой обители, образовавшейся с освящением первой Свято-Троицкой церкви в январе 1533 года, братия в абсолютном большинстве состояла из новообращенных лопарей, легко усваивающих духовные истины спасения и молитвенно-аскетический уклад жизни, проповедуемые преподобным Трифоном. *«Люди эти зело просты и кротки и отнюдь всякого лукавства не искусны, ко спасенному же пути тщаливы и охочи зело. И множество от них монашеское житие возлюбили».*

Божественные службы в этой «новоначальной» обители справлял упомянутый выше иеромонах Иона – верный ученик и неизменный «сопостник» преподобного Трифона в течение всей его долгой жизни. *«От Преподобного навывче искусного монашества»* – так донесла нам память людская предание о первых шагах на пути духовного восхождения бывшего белого попа Иоанна. Другими словами, иеромонах Иона, попав в монастырскую атмосферу аскетике и мистических созерцаний, под руководством святого Трифона обрел бесценный дар «старцев-заволжцев» – практику умной молитвы, унаследованную ими от афонских монахов-исихастов, или «священнобезмолвствующих».

О приверженности самого Трифона этой традиции свидетельствуют «самовидцы» жизни преподобного. Как известно, «исихия» в переводе с греческого означает – тишина, молчание. Именно для приобщения к «священнобезмолвию», для молитвенного тогообщения Трифон построил Успенскую пустынь в стороне от монастыря. Как говорил сам Трифон,

«*церковь Успения Пресвятыя Богородицы, в пустыни, куда часто отходил я на Богомыслие и молчание*». Так же и «Канон...» упоминает, что преподобный обладал даром внутреннего молитвенного делания: «*Ты же сие терпя, отходиши во внутреннюю пустыню*».

В тексте «Канона преподобному Трифону» мы также находим упоминания характерного признака «исихастского моления» подвижника – так называемой позы «оранты»: «*Руце простертием чистых ти молитв...*». Греческие монахи-исихасты, а за ними и российское «заволжское старчество», возродили эту молитвенную позу – руки, воздетые к небу.

Пятнадцать лет процветал лопарский монастырь на Печенге, там, где в нее впадает река Мана. Он просуществовал до 1549 года, то есть, до тех пор, пока на Печенге не начались непростые времена и ниже по течению реки, в ее устье, был образован монастырь несколько иного, нового уклада.

Автор жития начала XVIII века завершает повествование о жизни преподобного на описании пострига Трифона в 1533 году, такими словами: «*... и от того времени Пресвятыя и Живоначальныя Троицы святая обитель благодатию Божию и первоначальника Трифона молитвами стала распространяться, и многие иноки и бельцы ко Преподобному начаша приходить... Таковы преподобного отца нашего Трифона во святей проповеди болезни и труды, и пустынные поты, и подвиги*».

Однако следует признать, что последующая судьба Печенгской обители, равно как и житие самого печенгского старца, сложились весьма непросто, а во многом и драматично.

Путь Варлаама

Весной 1545 года в жизни керетского попа Василия произошла трагедия. Враг рода человеческого не забыл прошлой обиды – заклатья на Абрамысе. Мерзкий дух нечистый вселяется в жену Варлаама, и матушка становится бесноватой. Отец Василий, решившийся прибегнуть к крайнему средству – к чину экзорцизма, или «отчитки», с использованием Святого Копия, – в порыве гнева «*поражает ее [матушку] смертною язвою*». Горе Варлаама было беспредельно: зашло солнце его жизни. Та, которая была его единственной отрадой, верным другом и помощницей, лежала теперь бездыханной.

Игумен Кольского монастыря, старец Феодорит, выслушав исповедь Василия, назначает своему духовному чаду небывалую епитимию, которая потрясет современников и навсегда останется в веках недостижимым приме-

ром высоты покаянного подвига. *«Дает он ему иго легкое – мертвую носить во гробе, покуда не изгниет тело умершее. Самому ж в посте и молитве пребывать, и таковое воздержание иметь, что рыбу только единожды на Пасху вкушать»*. Выслушав приговор, отец Василий возвращается в село, загружает гроб в свой рыбацкий карбас и с этой страшной ношей отправляется в беспримерное смертельное плавание по северным морям.

В течение трех лет исполнял отец Василий данную ему епитимью, пока не получил ясное извещение от Господа, что прощен. После чего по благословению духовника, старца Феодорита, он захоранивает в родных керетских пределах свою дорогую и наболевшую ношу. Приняв монашеский постриг, *«преподобный оставляет мир и бывает инок»*. Благословением Феодорита, инок Варлаам уходит к преподобному Трифону на монашеское жительство, в Печенгский монастырь. *«В создаваемую святым Трифаном обитель на Печенге, за окияном-морем, устремился он видеть того труды и подвиги»*.

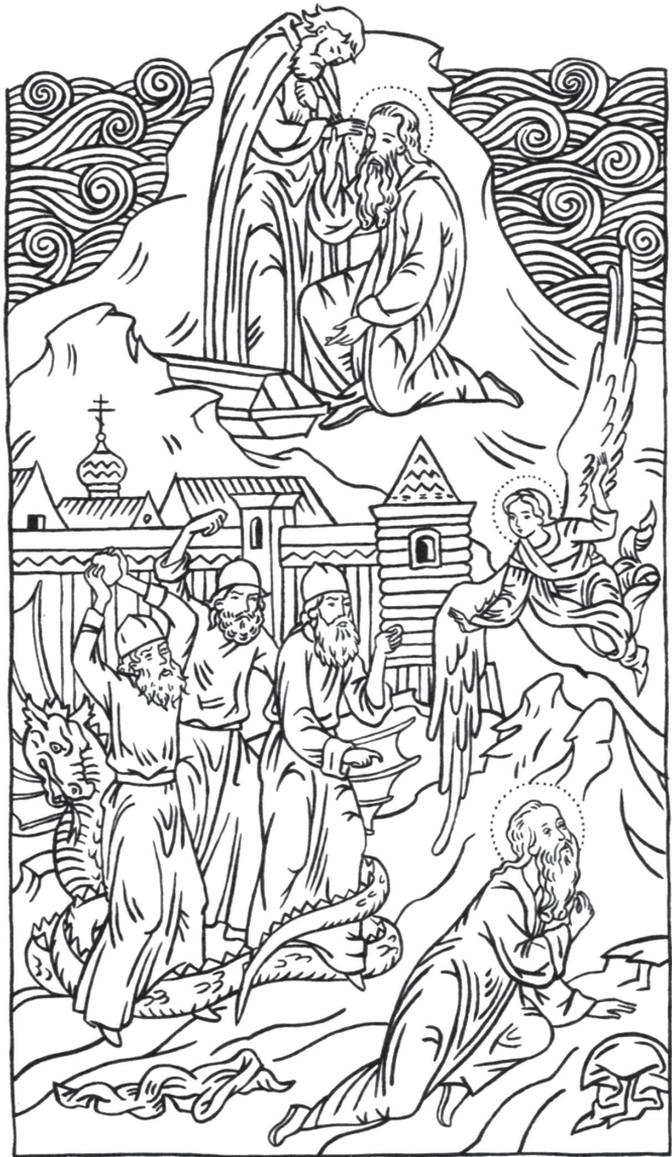
Бунт в Коле

Проблемы в среде монашеской братии на Кольском Севере начались с Колы. В 1548 году в Кольском Свято-Троицком мужском монастыре, что с 1540 года трудами преподобного Феодорита возник на Каменном острове, начались нестроения. Весенние события этого года, безусловно, глубоко символичны и, несомненно, явились ключевыми, определяющими дальнейшую судьбу многих их участников как в жизни земной, так и небесной.

Год этих событий определен достаточно точно – это известный голодный 1548 год. В этом году «князь века сего» дал решительный бой кольским подвижникам, как Феодориту, так и Трифону.

Каждый подвижник, дерзнувший посягнуть на эти полуночные земли, на которых испокон века безраздельно властвовали силы зла и тьмы, неизбежно должен быть всегда готов вступить в этот бой и выстоять в этом испытании. *«Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять»* (Еф. 6, 13).

Надо сказать, проповеднические труды Феодорита до этого времени не были особо драматичными, но к семидесяти годам старцу выпала неожиданная для него беда, тяжкое душевное горе. В 1548 году вся монастырская братия и лелеемые им духовные чада, подстрекаемые и соблазняемые бесами, восстали на своего игумена и учинили бунт. И, более того, избив святого старца, *«выкидывают»* его из обители. А в дальнейшем насильно изгоняют

его «от страны той», «от тех пустынь поневоле во вселенную». Столь нетерпимы силам тьмы были благодать и святость, обильно изливавшиеся в эту землю, прежде «дикую и непроходную», трудами блаженного старца Феодорита.

Но как, однако, древний змий так ловко сумел ввести в искушение всю братию? Как же случилось такое падение, такой грех, такая беда на пути спа-

сения для всех иноков монастыря? Вот что об этом рассказывает сам Феодорит и что пишет князь А. Курбский: *«Не может вытерпеть исконный враг рода человеческого, глядя завистливыми глазами на возрастание благочестия, и разрывается от ненависти. И что же он устраивает? Он натравливает на него собранных заново монахов монастыря, незримо нашептывая им в уши и говоря им в сердце: «Тяжек, дескать, путь которым ведет вас игумен и нестерпим. Никто из людей не в состоянии стерпеть устав, назначенный им для вас. Как можете жить вы без собственности, добывая хлеб своими руками?»»*

И «сложившиеся с диаволом монахи те впали в неистовство» хватают старца святого и бьют нещадно, «и не только выволакивают из монастыря, но изгоняют из края, как какого-нибудь врага». Это то, что касается непосредственных исполнителей воли невидимого режиссера этой трагедии.

Относительно же оценки этих событий в историческом, общецерковном плане надо признать, что налицо обострившаяся к XVI веку духовная проблема. Это разделение в церковной жизни между исповеданием духа подвижничества истинного монашества и «духом мира века сего». Так внезапно в Кольской обители наступили времена, когда монахи уже не представляли себе иноческой жизни без владения селами, землями, людьми, без торговых операций, оброков, поборов и сдач в аренду.

Это нападение бесовское, так внезапно охватившее братию и столь яростно обрушившееся на Феодорита, наводит на еще одно соображение сокровенного, мистического плана. Видимо, действительно жутко силен был тот демон древний, с которым вступил в смертельную схватку преподобный Варлаам. Об этом предупреждали и святые отцы древности: «Бывает иной раз, что учитель предается бесчестию и подвергается искушениям за получивших от него духовную пользу»¹.

Страшный дух мрачной Похьелы в полной мере упиваясь своей победой над ненавистным Керетским попом, полагал эту победу окончательной. Но случилось неожиданное: святой подвижник Феодорит-пустынный возложил руку Варлаама на свою шею и взвалил на себя тяжесть случившегося: «На моей вые согрешение твое, чадо. И да не истяжет тебя о сем Христос Бог». В древнерусских чинах исповеди можно встретить этот выразительный момент передачи грехов от кающегося к духовнику: «И руце того исповедающегося на свою выю положить и всем грехом великим себя повинна сотворити»².

¹ Преподобный Иоанн Карпафский // Добротолюбие. М., Сретенская семинария. Т. 3. С. 84.

² Требник XIV века собрания Гильфердинга № 21, л. 5 сл. Смирнов С. И. Древнерусский духовник.

Небывалое дерзновение пред Богом явил великий старец Феодорит в той данной им страшной епитимии. Именно его мощная молитвенная поддержка, оказанная духовному сыну в столь немислимой брани с врагом рода человеческого, вновь жестоко посрамила древнего гордеца. Его коварство и зломудрие обратилось в «горящие угли на голову его» (Притч. 25, 22), и новый великий угодник и чудотворец явился людям, дивно прославив «Пречестное и Великолепое Имя – Отца и Сына и Святаго Духа».

И вот тогда, *«сложившись со дьяволом, монахи оные в неистовстве хватают старца святого и бьют нещадно, и не только из монастыря извлекают, но и от страны той изгоняют, как врага некоего...»*.

Кольская братия вскоре осознала, что за бунт против игумена придется отвечать на митрополичьем суде. В Колу могут быть присланы стрельцы, и тогда кандалов не избежать. Было решено скрыться в самые дальние пределы, уйти к Норвегии, на Печенгу. Вскоре в «лопарском» монастыре Трифона начались серьезные проблемы.

Противостояние на Печенге

Итак, около 1549 года «буйная» братия Кольского монастыря, выгнав своего строителя Феодорита, переместилась из Колы в устье Печенги. Феодорит в это время волей новгородского Владыки был назначен окормлять Свято-Никольский Кокуев монастырь, что в устье реки Нивы.

Именно здесь и нашел своего духовного отца закончивший морские скитания Варлаам. Он рассказал Феодориту о том полном упадке и запустении, что поразили Свято-Троицкий монастырь после изгнания отца-настоятеля, и о том, что братия, покинув Каменный остров в Коле, направилась в сторону Печенги.

Известие о том, что монахи Свято-Троицкого монастыря ушли из Колы на Печенгу к Трифону, дабы строить там «монастырь нового типа», глубокой скорбью и тревогой отозвалось в сердце Феодорита. Он хорошо понимал, какое испытание выпало ныне его ученику и духовному чаду. Зная непростой характер печенгского старца и при нынешнем настрое «буйной кольской братии», можно было представить, во что в конце концов все может там вылиться.

И тогда Феодорит предлагает Варлааму отправиться на Печенгу к Три-

фону, дабы поддержать его и попытаться мирно разрешить эту сложную ситуацию. Феодорит хорошо чувствует особые дары благодати, что стяжал Варлаам, и очень рассчитывает на дарованную ему ныне молитвенную силу на «духи нечистые» и на исцеление от власти тяжких страстей.

Варлаам смиренно принимает благословение духовного отца и отправляется в Печенгу, на помощь к Трифону: *«Видел созидаемую святым Трифаном обитель на Печенге, за окияном-морем, и туда устремился видеть того труды и подвиги»*.

Варлаам прибыл на Печенгу в момент крайне напряженной ситуации. Мятежный, «немирный» дух братии, тяжело согрешившей против своего игумена и духовного окормителя, преподобного Феодорита, мягко говоря, не соответствовал молитвенному созерцательному духу Свято-Троицкой обители, что сложился в монастыре на реке Мане. У новой «лихой» братия, да еще и *«сложившейся с дьяволом»*, были свои взгляды и планы по развитию монастыря на Печенге, что никак не вписывалось в те духовные цели и задачи, над воплощением которых успешно трудился уникальный лопарский монастырь преподобного Трифона.

Можно только догадываться, сколь тяжкое искушение выпало тогда преподобному Трифону и какие страсти кипели в тот год на Печенге вслед за Колой. Об этом свидетельствуют строки древнего Канона: *«наветы нося, терпя же и своих, на тя восстающих»*.

Общеизвестен эпизод жития Трифона, описывающий его убытие с Печенги за милостынею, когда он *«отидоша во страны Великого Нова-града и пребысть там нищ и проситель целые осемь лет»*. Тексты «Канона...» уточняют истинную причину вынужденного ухода строителя монастыря из обители для «сбора милостыни»: *«Лукавые люди тебе спону [препятствие, сопротивление] бесовским советом учинить захотели или же **тебя смерти предать**»*.

«Лукавые люди» – люди злые и коварные, что перекликается с оценкой ситуации ранее данной Феодоритом: *«сложившиеся с дьяволом монахи те вознеиствовали»*. Пришедшая на Печенгу буйная братия попыталась подмять под себя Трифона и его обитель, навязывая ему свое, новое видение монастырского строительства и жизни монашеской.

Но надо хорошо понимать, кто такой Трифон Печенгский. Поступить с ним, как поступили с почти семидесятилетним старцем Феодоритом, то есть избить и выкинуть из монастыря, – вряд ли бы кто отважился. Трифон – вовсе не Феодорит, ярость и неукротимая сила «Трифона во гневе» – это

притча во языцех. Твердость характера Митрофана была всем памятна еще со времен его атаманского прошлого.

Как мы уже отмечали, исполинская сила этого сурового отшельника отдельно отмечается в Житии, что, надо сказать, вовсе не характерно для агиографической традиции. *«Ростом святой не мал, нагиб, плотию крепок... За три поприща на рамах своих бревна и все потребное на церковное строение носил»*. Что такое носить пяти-шестиметровое бревно на плечах за пять километров – в комментариях не нуждается. Такое бревно одному просто и поднять-то невозможно.

И если, проповедуя Евангелие тщедушным лопарям, этот богатырь-воин, которого они *«за власы таскали, и о землю метали, и били, и пихали»*, во многом подкупил их именно своим смирением и терпеливым незлобием,

то в данном случае он ни уходить, ни смиряться не собирался. Так что вариант у пришельцев оставался один – убить Трифона. И, возможно, не было бы у нас славной истории Трифоновского монастыря XVI века, если бы не мудрость старца Феодорита, приславшего в это время на Печенгу преподобного Варлаама Керетского.

Варлаамово пророчество

Преподобный Варлаам с прибытием на Печенгу очевидно понял ту смертельная опасность, которой подвергся Трифон с приходом «новых русских» монахов. О том, что опасность исходила именно от братии, а не от каких-то случайных разбойников, ясно говорят заключительные строки тропаря из «Канона преподобному Трифону...»: *«ты же, яко Моисей, манною питать их не престаеши, пока всех сих и в благоразумие не привел»*. Надо понимать, что «в благоразумие привести» возможно лишь противопоставляя злу – добро, ненависти – любовь, бунту – смирение. И действительно, по Житию, Трифон, покинувший Печенгу на восемь лет, так же, как Моисей, не оставил в гневе и обиде свой народ, и *«пребывая нищим и просителем, от града во град, и от веси в весь странствуя, все что испрашивал милостыни, в монастырь свой на пропитание братии посылал»*.

Варлаам после своего прибытия на Печенгу довольно скоро, как говорится, дал Трифону свою оценку всему, что он там увидел. *«И пребыв некоторое время, пророчески тому о составлении [о составе] обители прорек»*, – то есть произнес свое пророчество о собравшейся у Трифона братии. *«О Трифане, сподобился еси обитель воздвигнути и братию собрать, но будут люди и села зло неукратимы, яко дикие звери, твоей ярости и острожелчию [гневливости] подобящиеся»*.

Важно понять, что суть сказанного Варлаамом – не просто констатация факта увиденного им тяжкого духовного неблагополучия, поразившего собравшуюся к 1549 году на Печенге братию. Преподобный Варлаам Керетский чудотворец произнес именно пророческое слово. Духом Святым было возвещено некое Божественное установление, которое определит всю дальнейшую судьбу Трифоновского детища. Эта «неукротимость» братии, ее «ярость и гневливость», по слову Варлаама, есть наказание Трифону от Господа, тяжкий крест в воспоминание и искупление им его тяжких страстей и грехов разбойной юности. Именно потому они так ведут себя, *«яко дикие звери»*, потому они так страшно «неукротимы», что *«твоей [Трифон], ярости и острожелчию уподобляются»*.

Варлаам не желает более оставаться здесь, на Печенге: *«оставляеши Трифаново селение и возвращаешися паки к Керети – все тому [то есть, Трифону] изрек»*. Но и Трифон, *«преподобный отец, взяв с собою некоторых от братий, отыдоша во страны Великого Нова града»*. То есть Трифон вынужден был принять Божью волю, изреченную Варлаамом, и, смирившись, прокинуть ставшие родными печенгские берега. Вместе с Варлаамом, иеромонахом Ионой и послушником Германом он отправился в свое восьмилетнее странствование.

На *«Варламовой ладье»* оба великих подвижника Кольского Севера, вместе с верными сомолитвенниками Ионой и Германом, совершили славное морское плавание. Спустя срок они прибыли к устью Нивы реки, в Кандалакшский монастырь, где игуменом теперь был их духовный наставник великий кольский старец преподобный Феодорит. После этой исторической встречи, можно сказать, Собора Кольских святых, пути великих старцев разошлись. Феодорит повелением Иоанна Грозного был назначен архимандритом Спасо-Ефимьева монастыря в Суздале. Варлаам возвращается в родные керетские пределы, в Чупскую губу, туда, где захоронил он свою наболевшую и драгоценную ношу – останки любимой матушки.

Трифон с двумя печенгскими братьями уходит странствовать. Лишь спустя восемь лет он вернется сюда, на Печенгу, но уже с новым игуменом – Гурием, на имя которого будет дарована монастырю Жалованная грамота, что откроет обители путь к небывалому процветанию, равно как и к грядущей ее *«от острия меча»* гибели.

Восемь лет странствий

Путешествуя *«во страны Великого Нова града»*, Трифон присматривался, как отцы-настоятели завожских монастырей решают непростую задачу *«духовной переплавки»* нового монашества силою святости духоносных старцев, как устраивают они монашескую жизнь в изменившихся условиях.

Восемь лет скитался Трифон, живя милостынею, и восемь лет братия жила без преподобного. На целых восемь лет монастырь остался без старца, без его духовной помощи. Преподобный Трифон, исполненный христианской любви, даже покинув Печенгу, не оставил своего попечения о доверившихся ему людях. Правда, братия получала от Трифона лишь то, что видела наиболее ценным, – собранные им пожертвования. Великой мудрости исполнено это жертвенное служение Святого. Завершив свои странствования,

он вернулся на Печенгу, подарив обители столь вожделенную Жалованную царскую грамоту, исполненную невиданных льгот, открывшую путь к небывалому богатству и процветанию Печенгского монастыря, равно же, как и к грядущей его гибели.

Так, бывает, Господь дает людям получить что-либо ими страстно желаемое, нечто вожделенное, потребное вовсе не ко спасению, а лишь для того, чтобы на этом примере убедить их в ошибочности выбранного пути, в греховности их своевольных желаний. Дабы преподать один из тех наглядных уроков, которыми так часто вразумляет нас для нашего же блага и спасения милосердный Господь.

Необходимо еще раз обратить внимание на то, как повели себя наши преподобные старцы Трифон и Феодорит в той ситуации, после Московских соборов, когда завершился период выдвижения аргументов и споров о различных моделях спасения. После того как официальная Церковь сделала окончательный выбор в пользу «осифлянских» принципов отношений с самодержавной властью и «стяжательной» модели устройства монастырской жизни, наши старцы приняли это как волю Божию и со смирением подчинились ей, не помышляя о дальнейшем противостоянии и расколе. И это одна из отличительных черт православия – способность за своими желаниями, взглядами, мнениями разглядеть свершающуюся по нашим грехам волю Божию и в неумолимой силе вселенской апостасии предчувствовать властную поступь «Грядущего со славою судити живых и мертвых».

Очень полезно усвоить этот образец истинного христианского смирения, данный нам преподобными Трифоном и Феодоритом, и почаще обращаться к мудрым словам святителя Игнатия Брянчанинова: «Отступление попущено Богом: не покусь осьтановить его немощной рукою твоею. Устранись, сохранись от него сам, и этого с тебя достаточно. Ознакомься с духом времени, изучи его, чтобы по возможности избежать влияния его»¹.

В дальнейшем дружба наших северных пустынников с «заволжцами» не прекратится, и они будут еще не раз возвращаться сюда, дабы вновь, «ревнуя жестокому и святому жителству, умучая и покоря плоть свою в порабощение и послушание духа», собираться с силами в кругу своих единомышленников, «храбрых воинов Христовых, яже воюют против начал властей темных, миродержцев века сего».

Преподобный Трифон в своих странствиях, конечно же, посещал эти за-

¹ Цит. по: *Иеромонах Дамаскин. Церковь перед лицом отступления / Свет православия. Макариев-Решемская обитель. Вып. 37. 1998. С. 6.*

вожские края. Можно только представить ту духовную радость общения Трифона со своими единомышленниками, с великими старцами этих мест, о молитвенных подвигах которых так много рассказывал ему Феодорит в давние годы их подвижничества в ледяных пустынях Лапландии. Здесь, в этих скитах, все еще можно было напитаться духом православной святости «и внутренним человеком с Богом соединиться»¹. Трифон застал последние годы расцвета этой «Северной Фиваиды». Обходя северные монастыри, присматриваясь к разным монастырским Уставам, он искал выход из той непростой ситуации, что сложилась у него на Печенге.

Как повествует Житие, очень поверившие своему «начальнику веры, преподобному отцу Трифону» «новопросвященные народы лопарские от усердия своего, от имений своих приносили серебро и вещи и яко пред ногами апостольскими, преподобного отца Трифона при ногах полагали. Иные же земли, и озера, и морские угодные воды подавали и письменными заветами утверждали».

Испокон века все лапландские земли, озера, реки, морские тони, звериные ловли и прочее были поделены между лопарскими погостами (сийтами). Каждый лопарь, принимавший постриг, приносил с собой в монастырь и право на пользование своей долей этих угодий, потому и трудно было сдерживать поток щедрых лопарских пожертвований в монастырь. Но излишнее «стяжание» имений шло вразрез с монашескими обетами, с апостольскими посланиями. А ведь именно на чистоте и молитвенности монашеской жизни, на «нестяжании» богатств в стенах монастыря настаивал духовный учитель Трифона, блаженный старец Феодорит. И на таких принципах строил он монастырскую жизнь в своем Кольском монастыре. Но все труднее становилось найти единомышленников в деле столь «святого и жестокое жительства», обрести стойких «воинов Христовых», готовых «умучать и покорять плоть свою в порабощение и послушание духу». «Монастыри разбогатели, привилегии всякого рода стали привлекать в них уже не только тех, кто искал христианского максимализма»².

Церковь в середине XVI века своими соборными решениями окончательно осудила «нестяжательский» монастырский уклад, «заволжские старцы» были названы еретиками, и сам Феодорит и его единомышленники были сосланы на бесчестие.

В этой ситуации каждый христианин, каждый монах оказывался перед выбором. Также выбирал и Трифон. Он вспоминал святительское благосло-

¹ Ключ разумения // Устав преподобного Нила Сорского. М.-Екатеринбург, 2003. С. 364.

² Шмеман Александр, протоиерей. Исторический путь православия (Репринт.). М., 1993. С. 256.

вение владыки Макария на строительство православной обители на столь дальних северных рубежах и его слова об острой потребности державы Российской освоить эти земли, укрепиться на берегах северных морей. Но помнил он и то, что есть незыблемая основа монашества:

«Монах есть тот, кто миру не причастен,
Кто говорит всегда с одним лишь Богом,
Кто, видя Бога, сам бывает видим,
Любя Его, он Им любим бывает
И, светом становясь, всегда сияет»¹.

Церковь ныне пошла под власть царя и призвала всем потрудиться на благо державы Российской, созидая империю – «Третий Рим». Церковь благословляла этот труд. Что ж, такова, значит, воля Божья, и он, монах Трифон, возвращается на Крайний Север и будет строить тот монастырь, который ныне потребен державе Российской. Но и от своих обетов монашеских он не отступится. И братии своей не позволит, все силы положит, дабы удержать их в чистоте и строгости *«уставов и святых правил»*, будет *«уздать и востязать их страхом Божиим»*. Свой идеал он давно нашел – это пустынножителство, и богатство его неосудеваемое – *«священнобезмолвие»*. Ибо *«вкусил я оныя сладости пустынной, понеже пустыня наилучшая родительница и воспитательница, Божественного зренья плодovitый корень, истинная содружебница с Богом»*.

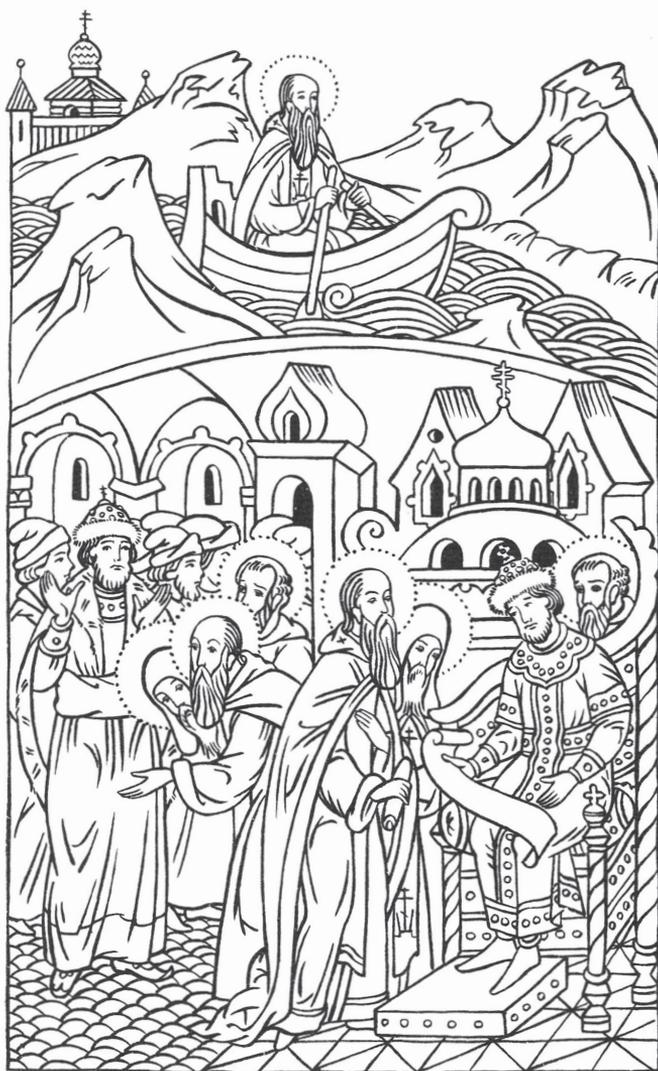
У Грозного царя

В ноябре 1556 года, завершая свои скитания, Трифон с помощью Феодорита сподобился личного приема у царя Иоанна Грозного.

Встреча преподобного Трифона с царем Иоанном Грозным, вне всякого сомнения, узловая точка в истории Печенгской обители. В те ноябрьские дни 1556 года преподобный Феодорит неотлучно пребывал при царском дворе. Шли важные для Иоанна переговоры с посланником Патриарха Константинопольского о получении благословения на его венчание на царство *«по чину Римских кесарей»*.

Именно в это благоприятное время Феодорит отыскивает странствующего Трифона и призывает его поспешить в Москву, дабы *«перед царским*

¹ Илларион (Алфеев), иеромонах. Преподобный Симеон Новый Богослов и православное предание / Избранные гимны. М., 1998. С. 597.

лицем поставить». Трифон прибывает в Москву с неким «единопутным своим Соловецкого монастыря праведным иноком». Царь принял посланника игумена Филиппа одновременно с Трифоном. Этим «праведным иноком» был не кто иной, как будущий настоятель Печенгского монастыря игумен Гурий. Организуя эту встречу с царем и подачу челобитной о льготах обителю на Печенге, Феодорит и Трифон (при участии игумена Филиппа) заранее подготовили и достойного кандидата в настоятели монастыря, имя которого и было вписано в Жалованную грамоту: «Живоначальные Троицы

Печенгского монастыря игумена Гурия с братией или кто в том монастыре иныя игумен и братия будут...» О том, что «челобитную свою» вручал царю именно «праведный инок» Гурий, говорит и текст грамоты: «... что нам бил челом игумен Гурей, да сказал ...»¹

Древние записи «самовидцев» и монастырские предания сохранили для нас рассказ об удивительном чуде, предвадившем встречу Трифона с Царем. Иоанн Грозный увидел обоих иноков и беседовал с ними за сутки до их фактического прибытия в Москву.

Утром «за один день» до их прихода «Великий Царь из палат своих поиде в Соборную церковь к литургии», и увидел стоящих на его пути двух старцев – «двух светолепных иноков». Очень они царю пришились по душе: «царские очи возлюбил их честное явление». «Откуда есте вы?» – спросил их великий государь. Старцы, поклонившись, отвечали Грозному: «един монастыря Соловецкого, другой Кольского уезду святых проповеди Лопарского народу, и строитель церкви Живоначальных Троицы, что на реке Печенге, смиренный Трифон». Государь, милостиво побеседовав с иноками, последовал дальше. Все же, кто сопровождали царя, как «бояре, так и иных чинов многие», видели, что тот с кем-то беседует, но «с кем, тех не видели, ни гласа их не слышали, спросить же Царя не смели».

Эта таинственная беседа царя с «потаенными рабами Божьими» – с Трифоном и «Соловецкого монастыря иноком» состоялась, когда Иоанн шел на Божественную литургию в «Соборную церковь Святого Успения Богоматери». Этот факт свидетельствует, что день был необычный, праздничный, поскольку ежедневно царь ходил на службу в Благовещенский собор, а в «Успенском соборе служит митрополит, коронуются государи и слушают обедню лишь в большие праздники»².

Челобитную свою старец Трифон подал государю лишь на следующий день, 22 ноября 1556 года. Именно этой датой и будет подписана Иоанном Грозным знаменитая Жалованная царская грамота Печенгскому монастырю. Накануне же, 21 ноября, государь шел к праздничной Литургии на двенадесятый праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Потому и состоялась чудесная встреча с царем именно у Успенского собора Кремля.

22 ноября, «такovým же образом иде Великий Царь к Литургии», и вновь двое иноков «стали перед Царем и подали челобитные свои». Царь, остано-

¹ Российский государственный архив древних актов. Грамоты Коллегии Экономии, ф. 281. № 4139. С. 122.

² Валишевский К. Иван Грозный (перевод с французского). М., 1912. С. 375–376.

вившись, принял их прошения и *«прочел моления их»*. *«Видел я вас уже вчера, – произнес царь с некоторой укоризной, имея в виду, что они могли бы и вчера отдать свои челобитные, – а сейчас иду к Божественной Литургии»*. И проследовал в Благовещенскую церковь Кремля. Иноки удивились, но промолчали.

Когда позже, после службы, государь *«сел с боярами в своих царственных палатах, то повелел тех странствующих иноков челобитные прочести»*. При этом государь рассказывал своим боярам, что эти монахи еще вчера пришли, да с ним разговаривали, а *«челом бить лишь сегодня надумали»*. Тем не менее, великий государь стал *«советоваться с боярами, чем бы их пожаловать»*. Бояре переглянувшись, решились высказать государю свое недоумение: *«только сегодня их видели, вчера же никого»*. Услышав эти слова, царь, удивившись, возразил: *«Аз с ними глаголал довольно, вы ли не видели?»* Но весь *«синклит боярский отвечал: глас твой слышали, но иноков не видели, да и гласа их не слышали»*. Тут уж *«Великий Царь повелел сыскать сих блаженных праведников, и перед своим царским лицем поставити»*.

Царские слуги сыскали странников и привели к царю с вопросом: *«Вы ли вчера с Царем разговаривали?»* Наши иноки с почтением отвечали: *«Ни, Великий Царь, во вчерашний день даже до царственного града еще не дошли»*.

Тогда царь и все бояре очень удивились, что есть такие *«потаенные рабы Божии»*. Несомненно, это потрясшее всех чудо во многом определило исход аудиенции и обильное дарование просимого. Еще раз мы имеем счастливую возможность убедиться в великой силе молитв наших дивных северных подвижников – преподобных Трифона и Гурия Печенгских и Феодорита Кольского.

«И с того времени Великий Царь возлюбил их, а наипаче преподобного Трифона, и пожаловав его, одарил обитель колоколами и церковною утварью богато, отпустил с милостивым вниманием».

Новый монастырь

Таким образом, получив Жалованную Царскую грамоту и дождавшись летней навигации, завершил Трифон свои скитания. *«Прииде Преподобный во свою обитель на реку Печенгу. Игумен же и братия о пришествии его славяще Святую Троицу и многолетнего во гладе пропитателя своего, преподобного Трифона, благодарствовали»*.

Столь долгое странствование и содержание целого монастыря за счет милостыни – тяжкий труд и подвиг подвижника, и, кроме того, это немисли-

мо без чудесной помощи Божией. Указание на богатые духовные дарования, явленные преподобным, мы находим в тексте древнего Жития: «Там же преподобный чудесным врачом обретался, во славу имени Христова множество душевно и телесно болящих исцеляя».

Грамотой, привезенной Трифоном из Москвы, монастырю жаловались небывалые льготы и отписывались огромные земельные владения: «... морская губы Печенгская, Топкая, Лицкая, Урская, Пазрецкая, Нявдемская со всеми рыбными ловлями, с островами, реками и речками, с пашнями, лесами, озерами, звериными ловлями, с лопарями, какие к ним приписаны, со всеми угодыями, с царскими денежными сборами и волостными кормами...»

«В XVI столетии монастырские суда выходили из своих Варангер-фиордских гаваней нагруженные не одними произведениями своей домашней промышленности, но и немецкими товарами, полученными на Печенгском торжке и в датских заливах, а может, и далее. Товары эти перегружались с монастырских судов в Архангельске и Холмогорах на речные суда, а сбыт их происходил во всех попутных городах и торжках, начиная с Архангельска до Вологды и Ярославля. Некоторые грузы зимним путем доставлялись прямо в Москву. При таких обширных операциях Печенгский монастырь имел в главных пунктах свои подворья для склада товаров привозимых и закупа местных. Покупались и обратно привозились рожь, ячмень, овес, солод, крупа, толокно, семя конопляное, мясо, масло, пшеница, горох, мед, воск, холсты, точива и всякие сукна, кожи дубленые, белая юфть и красная юфть, конопля, прядево всякое на невода, сети, подольники, судовая снасть, лодейные шейки (тросы и канаты), смола и всякие заморские запасы безошлинно» (Акты исторические. Т. IV)¹. «Сохранившиеся исторические документы служат памятником экономической монастырской деятельности, и из них мы видим, в каких размерах занимался он [монастырь] солеварением, речными и морскими промыслами с китовой ловлею включительно; имел свои верфи, на которых строил большие лодьи и мелкия промысловыя суда; имел лесные склады, мукомольныя мельницы, скотные дворы и т. п.»².

У нас нет документов, характеризующих размах монастырского хозяйства на момент нашествия «свитцких немец», произошедшего в 1589 году,

¹ Дергачев Н. Русская Лапландия. Статистические, географические и этнографические очерки. Арх., 1887. С. 106.

² Огородников С. Ф. Очерк истории г. Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 25.

но, по Писцовой книге 1574 года, еще за 16 лет до разорения монастыря на его территории уже существовало 34 здания, и это не считая церковных. Братии же как таковой было не более 50 человек. Мы не знаем, сколько тогда было в монастыре священников, но знаем точно, что на момент разорения в обители кроме настоятеля, игумена Гурия, и почти девяностолетнего Ионы был только один иеромонах Пахомий и иеродиакон Иосиф – казначей.

Столь непомерные мирские попечения не могли не влиять на духовный настрой братии, и святой Трифон осознавал это и скорбел сердцем. Горечью и тревогой исполнены все его предсмертные увещевания братии, его плач о «чадцах своих»: *«Любимцы мои, честно иночество и воздержанно храните, начальства бегайте»*, что на современном языке звучит: «чуждайтесь желания власти». Среди искушений, подстерегающих инока, властолюбие, казалось бы, не самая первая проблема. Однако такая проблема существовала.

Ко второй половине XVI века в больших общежительных монастырях среди прочего неблагополучия этот грех стал далеко не последним. Монахи «вотчинного» монастыря неизбежно должны были входить в начальственные отношения. Кто же, как не они, должен был руководить людьми, контролировать все то многочисленное население, которое на основании крепостного права стало принадлежностью монастыря вместе с пожалованными монастырю землями? Поскольку «... пожаловали мы в вотчину... с лопарями и всеми, кто ныне суть и впредь будут, со всеми угождями луговыми...»¹. Или: «Те Мотоцкие и Печенские лопари отданы в Печенской монастырь в крестьян место...»². Так что любой монах уже нес в своем лице эту часть монастырской феодальной власти над крепостным людом. «Служек и крестьян, крещеных лопарей, и дворников, и детенышев монастырских наместники, воеводы и всякие приказные люди не судят их ни в чем, а судит лишь игумен с братиею сам и во всем...»³

Известные ужасы опричного «правежа» и бесконечные войны периода правления Иоанна Грозного породили небывалый приток на монастырские земли беглого крестьянства – это так называемые «новоходчики», «бобыли» и пр. «По случаю войны между шведами и русскими из-за Корелии,

¹ Грамоты Кольского уезда XVI–XVIII вв. // Сборник Грамот Коллегии экономии. Т. 2. Л., 1929. С. 440.

² Роспись лопарским погостам 1581 года. Сборник материалов по истории Кольского полуострова. Л., 1930. С. 57.

³ Жалованная грамота Кольскому Печенгскому монастырю // Акты Исторические (1645–1676). Т. IV. СПб., 1842. С. 551–552.

а также еще по причине тирании, господствовавшей тогда в России, народ бежал и селился в Лапландии»¹. К этому беглому люду добавлялось еще огромное количество «монастырских слуг» или «служек», «монастырских детенышей» и «ремесленников». «Монастырь имел мельников, разных мастеровых, морских и горных звероловов, а на перевозных ладьях кормщиков, носовщиков, осночей и пр. и всему этому населению давал работу в промыслах, торговле и других занятиях»².

Умоление царевича Феодора

Наступил 1576 год. Преподобному Трифону исполнилось уже 90 лет. Но так сложились обстоятельства, что пришлось ему вновь идти на поклон к Грозному царю.

Прошло ровно двадцать лет, как царь Иоанн IV грамотой 1556 года открыл Печенгскому монастырю путь к небывалому процветанию. И вот в 1575 году эта царская милость была отменена в числе всех иных жалованных и тарханских грамот. Это произошло во время так называемого «великого княжения царя Симеона», когда на Земском соборе 1575 года царь Иоанн неожиданно сложил с себя царскую власть и корону, после чего некий татарский князь «Симеон Бекбулатович был поставлен Великим князем всея Руси».

Как писали современники, «он (Иоанн) отказался от престола, посадил на трон Симеона Касимовского и в конце года заставил Симеона отменить все льготы и отобрать грамоты, данные раньше монастырям и епископиям (епархиям), которыми они пользовались много столетий. Все они были уничтожены»³. В 1576 году «Иоанн вновь принял скипетр правления, но за возобновление грамот он взял с монастырей большие денежные суммы: с одного монастыря он брал 40 000 рублей, с другого 50 000, с некоторых 100 000 рублей... Вновь составленные грамоты, судебные законы, пожалования монастырям, городам, отдельным лицам и купцам давали ему еще большие доходы»⁴. Таким образом, в 1576 году практически все настоятели русских монастырей вынуждены были приходить на поклон к царю за «возобновленными грамотами».

¹ Филиппов. Русские в Лапландии. С. 303.

² Дергачев. Русская Лапландия. С. 106.

³ Середонин С. М. Сочинения Дж. Флетчера как исторический источник. СПб., 1891. С. 77, см. также: Горсей Дж. Записки о России XVI–XVII вв. М., 1990. С. 178–179.

⁴ Горсей Дж. Записки о России XVI–XVII вв. М., 1990. С. 60.

Во время этого второго хождения в Москву Господь вновь не оставил Своего угодника без чудесной помощи. Об этом свидетельствует сам текст обновленной Жалованной грамоты: «По умолению детей своих царевича князя Иоанна Иоанновича и царевича князя Феодора Иоанновича пожаловал есма...». Это необычное начало грамоты 1576 года, вписанное в текст «возобновленной» грамоты 1556 года, подтверждает особое ходатайство детей государя – царевичей Феодора и Иоанна. Только такое сугубое заступничество позволило «умолить» Грозного царя освободить Печенгскую обитель и «нашего царского богомолия Трифона» от упомянутых выше столь разорительных царских поборов.

Упомянутые слова грамоты, называющие Трифона «царским богомольцем», – не формальное словосочетание. В середине XVI века игумен Соловецкого монастыря Филипп установил постоянное моление за царскую семью, что объясняет обращение Иоанна IV к настоятелю как к своему «богомольцу». Таким образом, текст Жалованной грамоты 1576 года показывает, что подобное поминовение было установлено в Печенгском монастыре еще с 1556 года.

Особое расположение к Трифону, проявленное «*благоверным царевичем Феодором*», при встрече с северным подвижником, выразилось и в подаренном Трифону облачении «с плеча великокняжеского». «*Он же сию одежду перестроит в одежду священную, ибо вижу его мужем праведным*», – заметил при этом князь Феодор.

Благоверный царевич, а в дальнейшем святой благоверный царь Феодор I Иоаннович, – последний и уникальный правитель династии Рюриковичей. Бесконечно набожный, во многом «не от мира сего», блаженный Феодор Иоаннович, без сомнения, мог «увидеть» в Трифоне истинного избранника Божия и воина Христова.

Конечно, самому Трифону одеяние царевича было бы явно маловато. Тем не менее, царская одежда была действительно переделана под священническое облачение. «Фелонь из синей шелковой материи на холщевой крашеной подкладке с оплечьем, вышитым золотом и серебром и украшенным одноглавыми и двуглавыми орлами»¹. Вместе со многими реликвиями времен Трифона это облачение еще в 30-х годах XX века можно было увидеть в старинной церкви святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, что на реке Паз. В этих священных одеждах служили как «сопостник» Трифо-

¹ Общее обозрение Кольского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1896. № 18. С. 221.

на – Иона Печенгский, так и иерей Илларион, который освятил церковь святых Бориса и Глеба в 1565 году и упомянут в надписи на «храмозданном» кресте¹.

У стен «града страны Инфлянты»

Духовная связь преподобного Трифона с благоверным царевичем Феодором не прервалась и в дальнейшем, о чем свидетельствует одно из посмертных чудес преподобного. Это история о чудесном спасении царя Феодора Иоанновича, когда явившийся ему Трифон повелел срочно выйти из шатра, где почивал государь. Сразу же за этим в уже пустое царское ложе ударило шведское пушечное ядро. *«Благочестивому царю Феодору явлься, спасаеши сего от смерти руки прикосновением»*. При своем явлении царю Трифон напомнил Феодору Иоанновичу об эпизоде с дарением одежды *«с плеча великокняжеского»*.

События, описанные в Житии, когда *«Царь и Великий князь Феодор Иоаннович сам воевал великие Инфлянты, то есть страны Ливонския земли и обышед некий град...»*, имеют реальное историческое подтверждение.

Царь Феодор, прямо скажем, избегал личного участия в воинских походах, более тяготел к делам духовным и подвигам молитвенным. Но в этот раз действительно, когда «в январе 1590 года многочисленное русское войско выступило к шведским границам, сам царь находился при нем»². «Тихий Феодор, не без сожаления оставив свои мирные, благочестивые упражнения, сел на бранного коня, чтобы войско оживить усердием»³.

События, описанные в упомянутом эпизоде Жития, происходили под городом Нарвой (Ругодивом) в феврале 1590 года, где, как отмечает Карамзин, во время длительной осады города царскими войсками «была сильная пальба» из пушек с обеих сторон. «И стены выбили в Ругодиве 80 сажень по подошву, а от моря 100 сажень. И немцы, видя свою неминуемую, что им в Ругодиве не отсидеться, да государю били челом...»⁴

¹ «...Освящена, как свидетельствует о том надпись на кресте, 24 июня 1565 г. священником Илларионом» (Фрисс. Печенгский монастырь. С. 266). «Крест сей сооружен в лето 7073 года месяца июня 4 дня, а святил церковь сию игумен Илларион при начальнике Трифоне». Ушаков И. Ф. Наука и бизнес на Мурмане // Малые храмы на Кольской земле. 1999. № 3, С. 8.

² Соловьев С. М. История России... Кн. 4. Т. VII–VIII. М., 1994. С. 251.

³ Карамзин. История. Т. 10. Гл. 2. С. 292.

⁴ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. Т. VII. М.-Л., 1951. С. 230, 231.

«Тихий Феодор» в этой войне со Швецией (равно как и вскоре с Крымским ханом) одержал решительную победу с удивительно малыми потерями. С Божией помощью он решил все те давние проблемы, которые отец, «Грозный Иоанн», так и не смог разрешить в течение долгих десятилетий изнурительных войн. С небывалой благодарностью современники вспоминали времена правления царя Феодора I: «А царствовал благоверный и христоролюбивый царь и великий князь Феодор Иванович... тихо и праведно, и милостивно, и безмятежно. И все люди в покое и в любви, и в тишине, и во благоденствии пребыша в те лета. Ни при котором царе в Русской земле, такие тишины и благоденства не бысть, как при нем, благоверном царе и великом князе Феодоре Ивановиче всея Руси»¹.

Но задумаемся, так ли сложилась бы история Руси, не случись того чудесного вмешательства Трифона, спасшего жизнь царя под Нарвой? Воистину «в деснице Божией сердце царево и сына царева» и велик пред Господом избранник Его Трифон.

«Медведь Святого Трифона»

Этот медведь впервые упоминается в Житии в связи с чудом, которое наблюдала братия монастыря у кельи преподобного. Как известно, дикие звери становятся вновь «домашними», какими они и были задуманы Творцом во времена Адама, как только встретят человека, стяжавшего в себе благодать Святого Духа. Вспомним евангельское: «И был Он там в пустыне сорок дней... и был со зверями» (Мк. 1, 13). И в житийной литературе, надо признать, такие эпизоды встречаются довольно часто.

В случае с Трифоном медведь, опрокинувший квашню и съевший тесто, заготовленное преподобным для просфор, был наказан подвижником. «Иисус Христос, Сын Божий, Бог мой, – обратился к зверю преподобный, – повеждает тебе, изыди из кельи и стань здесь смиренно», что и было медведем кротко исполнено. Затем Трифон, «взявши велие дерево, побил зверя, приговаривая, то даю тебе яко грешному». После чего, строго «наказав, завещал зверю близь кельи и лавры впредь не пакостить и отпустил его в пустыню». То есть отныне медведям было запрещено приближаться к монастырским владениям. «От того времени, во славу Святые Троицы и во знамение чудес Преподобного».

¹ «Пискаревский летописец». Цит. по: Царь Федор Иоаннович. Когда на троне блаженный // Журнал «Фома». М., сентябрь, 2009.

добного, окрест Лавры и келий ее, монастырскому скоту и оленям его, в пустыне бесстрашно пасущимся и доселе, звери не накостили».

Второй медведь появился почти триста лет спустя, в августе 1893 года, при возобновлении монастыря у реки Печенги. Убедительные просьбы со стороны монахов к колонистам, жителям деревни Монастырской, что в устье реки Печенги, с предложением переселиться несколько в сторону и дать возможность монастырю строиться на древнем святом месте, к сожалению, были встречены решительным отказом, что отчасти объяснялось влиянием приверженцев раскола среди населения деревни. Переговоры зашли в тупик: «У нас приказ есть от Высочайшего имени на право владения в течение сорока лет. Мы от этого места не хотим круто (ни за что, твердо. – Е. М.) отступить»¹. Но тут появился загадочный «медведь святого Трифона», очень крупный зверь, который с удивительной методичностью, ежедневно, около 9 часов вечера, задирает скот колонистов, при этом, как и заповедал преподобный, монастырский скот не трогал. Объединенные отряды охотников долгое время безуспешно пытались отстрелить зверя, но попасть в медведя так никто и не смог. На общем сходе жителей было признано, что зверя убить невозможно, поскольку это «медведь святого Трифона» и что есть воля Божия в том, чтобы освободить это место для монастыря. После этого решения схода медведь пропал. Договоренность была достигнута, и дома жителей были перенесены и обустроены силами монастырской братии. Также на новое место была перенесена и приходская церковь преподобного Трифона Печенгского.

При возрождении обители в конце XIX века при архимандрите Ионафане «медведи святого Трифона» были неизменными спутниками монастырской братии. Удивительную монастырскую традицию с дословными комментариями отца Ионафана позже вспоминал известный художник Константин Коровин: «Сидим мы на скамейке, февраля двадцатого, все в сборе, братия, то есть... Ждет братия, как после зимы и ночи непроходимой солнышко впервые заиграет, благодатное... И они, медведи, тоже рядом с нами сидят и на небо глядят... Вы не пугайтесь, милостивцы... Медведи тут ходят, семь их. Так вы, милостивцы, медведей не пугайтесь: они тут свои и человека никак не тронут. Лесные звери, вольные, ух и здоровые они, как горы! И как только солнце выглянет из-за горы, мы молитву поем, а коли кто из нас что вспомнит, тот бывает и поплачет. А медведи тоже бурлякать по-своему

¹ Из письма колониста Ананьина игумену Ионафану. Гершин Е. В. Трифоно-Печенгский монастырь // Русская мысль. М., СПб., 1913. С. 67.

зачнут. Что, как и мы, солнцу рады. Хотя и звери, а понимают: солнышко любят...»¹

Юноша и бес блуда

В Каноне начала XVII века, посвященном преподобному Трифону, сохранилось упоминание о памятном событии – чуде исцеления блудника. Речь идет об исцелении некоего *«от лютого беса насилуемого юноши»*. Строкой выше автор упоминает важные условия духовного роста, ранее реализованные Трифоном, которые и позволили ему стяжать эти особые дарования. Речь идет все о той же борьбе с собственными страстями. *«Разгнав страстей мрак, отче, ко свету добродетелей дошед и светел быв, мрачные духи лукавствия отгоняеши от человек, Трифоне»*.

Упоминаемый далее *«от лютого беса насилуемый юноша»* *«приемлет исцеление»*, то есть избавляется от одержимости *«мрачным духом лукавствия»* через чин заклинания или, иначе, *«с запрещением»*. По сути, этот упомянутый эпизод монашеского служения преподобного Трифона не вполне относится к категории чуда. Экзорцизм, или заклинание лукавых духов с *«последованием молебным об избавлении недугующего от обуревания и насилия духов нечистых»*, в то время достаточно часто практиковался в монашеской среде. И, надо полагать, старец Трифон за свою почти семидесятилетнюю жизнь в монашестве многих людей *«от пленения диавольского избавил»*. Однако именно этот пример исцеления юноши оказался особо памятен современникам.

Причиной беснования несчастного явился грех *«сладоластия»*. Не будем забывать, что приверженность именно к этому греху юного Трифона-Митрофана отдельно упоминается в лопарском предании. Но, как свидетельствует Евангелие, идущий вослед Христу подвижник, если сам что-то сумел преодолеть, победив в себе, и *«претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь»* (Евр. 2, 18).

«Оковавший свое тело железным обручем, навсегда отказавшийся от ношения белья»², спящий на «рогозине своей» и «непрестанно в слезах и молитвах в сокрушении сердца пометая себя на землю перед Богом» великий печенгский старец Трифон, одолев в себе тяжкий грех *«сладоластия»*, обрел благодать пред Господом и мог уже *«искушаемым помочь»*.

¹ Коровин К. А. «То было давно... там... в России...». Воспоминания. М., 2010. С. 212.

² Филиппов. Русские в Лапландии. С. 302.

Однако надо сказать, что завершение этой истории с «юношей, от беса насилуемым» и от Трифона «исцеление приявшим», оказалось не вполне благополучным. Господь по молитвам праведника и через чтение заклинательных молитв освободил человека от нечистого духа, но, как известно, далее требуются усилия самого исцеленного. Спаситель особо предупреждал, что этот дух нечистый, выйдя из человека и неприкаянно скитаясь «по безводным местам, ища покоя и не находя» (Лк. 11, 25), непременно возвращается посмотреть, чем занято его бывшее «жилище». Если беспечный человек не позаботился об этом освобожденном от нечисти усилиями экзоциста «жилище» и не наполнил его (себя) Дарами Святого Духа, то бес тот «идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там, – и бывает для человека того последнее хуже первого» (Лк. 11, 27).

Так произошло и в данном случае. Юноша тот не сберег духовного здоровья, утратил плоды «исцеления с запрещением» и вновь впал в грех служения духу сладострастных страстей и похотей. Когда об этом узнал Трифон, то юноша тот, «погрешию же наки в сладостствие [впавший в грех вновь. – Е. М.] от тебя, отче, поносим [ругаем. – Е. М.] бывает». Мы видим, что автор ограничился скромным словом «поносим», однако, зная крутой характер печенгского подвижника, можно представить, как в реальности совершилось это «старческое вразумление» юного сластолюбца.

Главный подвиг Трифона

Неумолима и велика была мистическая сила того пророчества, что произнес восемь лет назад над Печенгским монастырем великий святой Крайнего Севера преподобный Варлаам Керетский.

И Трифон, вернувшись через восемь лет, сознательно принял этот возвещенный Варлаамом тяжкий крест духовного окормления столь непростого монастыря, чтобы до конца своей жизни, несмотря на трудности, сделать все, чтобы не допустить гибели душ иноческих. О том и слова «Канона преподобному Трифону...»: «Аще и питаемые тобой роптать не перестанут, но ты сих зверство на кротость в благоразумие привел молитвами непрестанными, и пением, и бдением, дондеже их Христу чистыми представил».

Этот тропарь «Канона» раскрывает нам все величие едва ли не самого главного жизненного подвига преподобного Трифона Печенгского. Это подвиг великих старцев древности, образец которого дал преподобный Иосиф Волоцкий в своем настоятельном служении братии, с его самоотверженной попыткой спасти высокие подлинные монашеские идеалы в насту-

пивших принципиально новых российских условиях. Тогда преподобный Иосиф взвалил на себя задачу, решение которой едва ли по силам смертному, – организационными мерами, жесткой дисциплинарной регламентацией, силой личного примера и молитвенного подвига постараться воспитать идущих в его монастырь новых людей в духе истинного монашества.

Точно так же и Трифон, несмотря на упомянутые «ярость» и «неукротимость» братья, с которыми вплотную довелось столкнуться печенгскому старцу, он все же сумел благодатной силой своей великой святости преобразовать «сих зверство на кротость» и привести в «благоразумие».

Путь, которым вел братию Трифон, весьма непросто, но он единственно был возможен в той ситуации, и «Канон» нам тот путь ясно раскрывает – «*молитвами непрестанными, и пением, и бдением*».

Когда в декабре 1589 года «*пришло на обитель тяжкое испытание*», то абсолютное большинство братии явили истинное, идущее даже до смерти, послушание своему игумену. Убиенная печенгская братия, по молитвам святого, спасла свои души и наследовала райские обители, ибо Трифон «*их Христу чистыми представил*».

«*Молитвами непрестанными, и пением, и бдением*», что совершались по настоянию Трифона в Успенской церкви, построенной рядом с его отходной пустыней у Трифонова ручья в 1571 году, братия обрела покаянный, молитвенный настрой и спасительное чувство устремленности сердца от мира дольного к миру горнему.

В этом 1571 году, на второй день после праздника Успения, почил о Господе великий северный старец и учитель Трифона преподобный Феодорит Кольский. Поэтому в память о своем друге и учителе была построена именно Успенская церковь, и «около 200 монастырских работников были заняты постройкой церкви»¹. Позже таким же образом будет почтена память преподобного Трифона. На его могиле в 1708 году будет построена Сретенская церковь, поскольку праздник Сретения Церковь отмечает 15 февраля, на второй день после дня пострига и именин преподобного Трифона.

Службы в Успенском храме не прервались и после блаженной кончины Трифона в 1583 году. Надо понимать, что знаменитое грозное пророчество святого о судьбе монастыря, возвещенное им при своей кончине, благодатно повлияло на перемены в духовной атмосфере обители.

Молитвенное предстояние Трифона в течение шести лет у престола Божия в Горнем Иерусалиме после своей кончины позволило ему вымолить спасение для своих своенравных чад, а игумену Гурию – подвигнуть монастырскую братию к принятию мученических венцов при нападении шведского отряда на обитель в декабре 1589 года.

Преставление

«*Месяца декабря в 15 день [15 декабря. – Е. М.] преставление преподобного отца нашего Трифона*». Приступая к описанию этого памятного события, надо отметить, что Житие сохранило довольно подробные свиде-

¹ Филитов. Русские в Лапландии. С. 303.

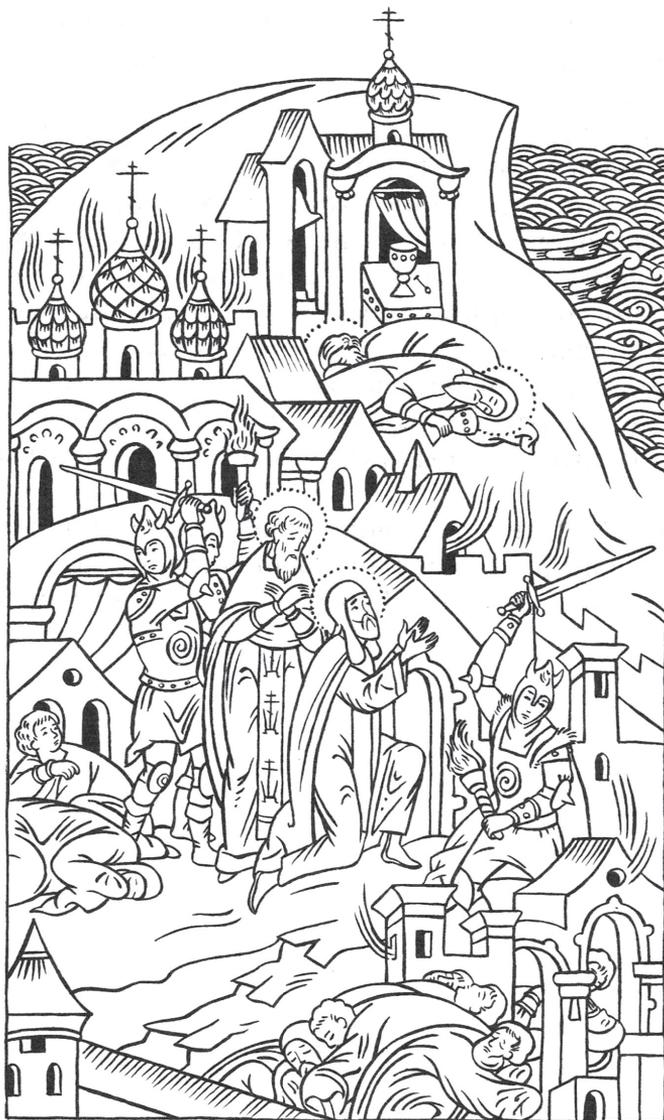
тельства «самовидцев», записавших «в книжецах малых» подлинные предсмертные наставления старца и обстоятельства его блаженной кончины.

Трифон, всегда удивлявший братию своим отменным здоровьем, лишь непосредственно перед своей кончиной тяжело заболел. Конечно, к своим 98 годам преподобный, как справедливо пишет современник, пребывал «в старости маститой», но при этом являл удивительный пример неисчерпаемых жизненных сил. После столь долгой подвижнической жизни в «проповеди Христовой и по многих своих пустынных трудах» наступил и его час: старец «впаде в болезнь и изнемог зело». Встревоженная этим известием братия во главе с игуменом Гурием поспешила навестить своего «пречудного отца и наказателя».

То, что увидела братия, глубокой печалью наполнило их сердца. Старец пребывал «великою болезнью одержим», и было видно, что наставник и окормитель скоро покинет своих чад. Братия «начаша скорбеть горько, глаголюще: почто, наставниче наш, оставляеши нас сирых!». Святой отвечал: «Добрый путь течения моего не пресекайте, все упование свое возложите на Бога. Молю вас по отходе моем не скорбите – смерть мужу покой. Аз же завещаю вам: чадца мои, да любите друг друга».

В эти последние минуты свой жизни старец вновь окидывает мысленным взором пройденную им непростую и долгую жизнь. Вновь и вновь благодарностью ко Господу наполняется душа бывшего разбойника, не оставленного в юности погибать во грехах и возведенного на блаженный Фавор святости. Об этом его слова последнего наставления братии: «Все упование свое возложите на Бога, ибо Иисус – Христос и Бог мой, меня единого во всех приключившихся грехах моих не оставил, тем более и всех вас собранных во Имя Святое Его не оставит. Аз же завещаю вам: любите Его, в Троице Славимого всем сердцем своим, всею душою своею, и всею мыслию своею».

Оставляя своих чад, святой старец глубоко переживает о подстерегающих обитель опасностях и соблазнах мира сего. Не понаслышке он знает коварство и окаянство мира, погубляющие неокрепших в вере людей, и его предупреждения звучат взволнованно: «Любимицы мои, не любите мира и того, что в мире. Сами знаете, как окаянен мир сей, яко море неверен, мятежен, наполнен пакостями нечестивых духов, ветрами губительно волнуется, ложью горек, наветами дьявольскими трясется и пенится, ветрами грехов свирепствует и все возмущает, и потопить миролюбцев старается. Всюду плачь от него, и всюду пагубы свои простирает, а наконец, все смертью осуждает».

Затем преподобный последний раз причастился Святых Таин из рук своего верного сопостника иеромонаха Ионы – «приял Христа Бога нашего пречистое и животворящее Тело и святую Его Кровь». Строгость обетов, данных Трифоном в те давние годы, когда он был еще юным Митрофаном, отметили свидетели этой сцены: «По приятию Таин сел на **обычной своей рогозине** и, уже окончательно изнеможенный, прослезился».

На этой плетенной из прутьев циновке, неизменно служившей ему постелью, на полу своей кельи завершал свой долгий покаянный путь бывший разбойник, а ныне великий подвижник Севера, светлый старец Трифон – чудотворец печенгский. Исполнил он путь свой на земле, все сделал и сказал главное: «*Чадца мои, да любите друг друга*».

Увидев, что, приняв Святые Дары, старец прослезился, игумен Гурий спросил его: «*Отче преподобный, ты нам о тебе скорбеть запрещаешь, и ко Сладчайшему Иисусу грядешь с радостью, поведай нам, из-за чего ты прослезился?*» Трифон, тяжело вздохнув, отвечал своим чадам: «*На сию святую обитель грядет тяжкое испытание, и от острия меча умучены будут многие*». При этих словах братия переглянулась, Трифон же продолжил: «*Но не ослабевайте, братия, упованием на Бога; «Ибо не оставит Господь жезла нечестивых над жребием своим» (Пс. 124, 3), силен Бог вновь обновить обитель сию*». Таковы были последние пророческие слова печенгского старца. «*По изречении слов оных лег он на рогозине своей, и просветилось лице его, чуть улыбнулся, и предал святую свою душу Господу*».

«*Ни гроб, забвения ходатай, возможет твоя добродетели утаити, отче, трубы бо яснейше проповедает твоя болезни постническия, – такими строками завершает «Канон» Трифону его современник, – добродетелей труды и поты, Трифоне, покой со всеми святыми приемля, их же возвесели своим житием*».

Братия исполнила повеление Трифона «*погresti его у церкви Успения Пресвятыя Богородицы, в пустыни, куда часто отходил он на богомыслие и молчание*». Это место отходной пустыни у Трифонова ручья, в устье реки Печенги, где в Успенской церкви продолжили служить его верные помощники Иона и Герман. «*И погребен бысть Трифон, Святей Троице теплый служитель и пречистей Богоматери благодарен, в завещанном месте, в пустыни*».

Венцы небесные

Прошло шесть лет. Наступил декабрь 1589 года. Монастырь переживал скорбные дни, Филиппов пост в этом году ознаменовался трагедией. Все началось со страшного злодеяния в Успенской пустыни у могилы Трифона.

2/15 декабря на рассвете были убиты верные ученики преподобного Трифона – иеромонах Иона и послушник Герман. Успенская церковь была сожжена, монастырские суда, стоявшие в гавани изрублены.

Никто не мог понять, кто и зачем это сделал. Никаких ценностей в Успенской пустыни не было. Зачем надо было убивать древних старцев? И куда подевались злодеи?

Братия еще не знала, что это были подданные шведской короны. Разбойный отряд финнов под предводительством некоего Пекки Весайнена пришел с моря к Печенгскому заливу с решительными намерениями уничтожить монастырь преподобного Трифона.

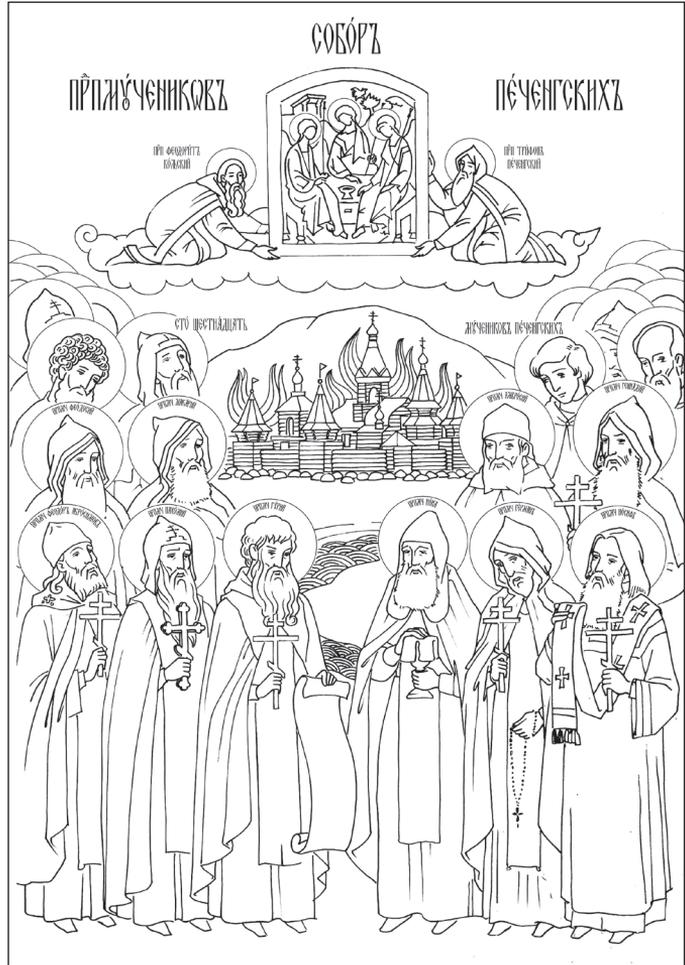
Весайнен еще накануне захватил монастырские суда на Борисоглебской верфи, что на реке Паз, и, не задерживаясь, в полной темноте Полярной ночи дошел морем до Печенгского залива. Ранним утром 2 декабря отряд кораблей вошел в Печенгский Залив монахов – Монкенфьорд. Залив этот незамерзающий, и суда разбойников беспрепятственно углубились в него до самой монастырской гавани. С этого места начиналась непосредственно территория монастыря – торговый порт, причалы и поселок у Трифонова ручья, а также отходная Успенская пустынь, там, где *«храм Успения Пречистой Богородицы, что у Преподобного над мощами»*.

В этом поселке-порту с наступлением зимы и Полярной ночи монастырского люда не было вовсе, кроме служащих в Успенской церкви преподобных Ионы и Германа.

Здесь враги *«в первых сожгоша храм Успения Пречистой Богородицы»* и *«иероинока праведного Иону и служебника [Германа] умучили»*. Верный сопостник преподобного Трифона старец Иона, оставшийся при своем учителе и после его смерти, и послушник старец Герман *«в первых»* приняли мученическую кончину *«от острия меча»*.

По преданию, священномученик Иона и преподобномученик Герман Печенгские, Кольские были умучены во время завершения Божественной литургии. Монах Герман звонил на колокольне, увидев врагов, бросился вниз предупредить служащего Иону, но не успел и был убит у выхода из колокольни¹. Девяностолетний старец Иона был убит, сжимая в руках Святую Чашу. Как истинный воин Христов, он защитил прежде всего Святые Дары, и *«кровь мученика смешалась с кровью Божественного Агнца»*. Евхаристические сосуды, на которых служил Иона, были все те же, что и во время их совместных с Трифоном *«нестяжательных»* подвигов у реки Маны, и по бедности своей для грабителей ценности не представляли.

¹ Инок Герман, по-видимому, поднялся на колокольню при евхаристическом каноне на *«Достойно и праведно...»*, когда полагается благовестить 50 ударами в колокол.

Всю картину этой трагедии и увидела прибежавшая на зарево пожара монастырская братия. Однако никого из нападавших нигде не было видно. Разбойники «не дошедши обители, сокрышася в тайне месте». Это было непонятно и страшно.

Весайнен все хорошо продумал. Нанеся главный удар по монастырской святыне, в самое сердце монастыря, он уже чувствовал себя победителем. Кто мог предвидеть такое – нападение с моря зимой, когда никакая навигация в этих широтах абсолютно исключена? И летом это было бы совершенно невозможно: летом здесь кипит жизнь, сотни здоровых мужиков, торговые суда на рейде крепко вооружены, да и ладьи с десантом врага были бы обнаружены еще на подходе к Монкенфьорду.

Со стороны материка зимой напасть тоже невозможно: стены монастыря встают на пути всякого, кто попытается приблизиться к этой святыне – могиле преподобного Трифона. Кроме того, первый же лопарь, заметивший появление в Русской Лапландии отряда «финской страны немцев», немедленно оповестит и все погосты, и монастырь. Всем хорошо известно, как невероятно быстро передвигаются на лыжах лопари, что даже легко догоняют волков. Потому оставался один вариант: подойти зимой с моря. Весайнен рискнул, и ему это удалось.

Останки невинных страдальцев перенесли для молитв и прощания за монастырскую ограду, в Зосимо-Савватьевскую церковь. Место скорбного пепелища и могилу святого Трифона привели в порядок.

В Успенской пустыни оставили дозорных, но враг так больше и не появился. «Видимо, действительно это были какие-то морские пираты, зазимовавшие где-нибудь неподалеку в норвежских шхерах», – так рассудила монастырская братия, размышляя о случившейся трагедии¹.

Разбойный отряд Весайнена тем временем затаился в губе Волоковой, недалеко от входа в Печенгский залив. Целую неделю коварный враг выжидал, пока тревога в монастыре утихнет.

Последнее повечерье

Прошла неделя. Неведомый враг исчез так же таинственно, как и появился, и жизнь обители вроде бы вошла в привычный ритм.

Вечером 9/22 декабря братия собралась в монастырскую трапезную вечерять. Пришли игумен Гурий, иеромонах Пахомий, иеродиакон Иосиф. Помолились. Игумен благословил трапезу и подошел к аналою – указать чтцу очередное поучительное чтение. «Взяв святую книгу, настоятель только раскрыл ее там, где у него была закладка, как побледнел, зашатался и упал на землю...»². Подбежавшая братия увидела, что вместо закладки в книге лежит поминальный список с их именами как «об убиенной братии монастыря», где первым стоит имя игумена Гурия. И письма на этой записке кровавого цвета. «Поднялся плач и смятение, но настоятель твердо приказал всем идти в церковь и там вместе с братией пал перед иконами».

¹ «По побережьям Норвегии до Нордкапа Дания держала флотилии каперов, грабивших «английских и барабантских гостей», шедших с товарами к московскому царю в Колу и на Двину». *Штаден Генрих*. О Москве Ивана Грозного. Л., 1925. С. 15.

² *Львов Е.* По Студеному морю – поездка на Север. М., 1895. С. 177.

Зазвучали покаянные псалмы повечерия. Все чувствовали, что приближается нечто неотвратимое и страшное. Через несколько дней должно было исполниться ровно шесть лет, как услышали игумен и братия то грозное пророчество из уст покидающего мир заступника и окормителя, преподобного Трифона: *«Грядет беда на обитель и от острия меча умучатся многие... Но не ослабевайте братия моя, упованием на Бога...»*.

Тогда, шесть лет назад, эти слова изменили жизнь в обители. Не было никого, от старца-игумена до последнего молодого послушника, кто не размышлял бы над ними, не сокрушал сердца в воздыханиях перед Господом: *«Господи, помилуй...»*. Трифон сказал: *«Силен Бог и вновь восстановит обитель сию»*. Значит, Господь когда-то возродит монастырь сей. А пока что грядет беда, разорено все будет... И когда? Может, уже сегодня?..

И в душе каждого насельника все тверже становилось спасительное чувство привременности земного бытия, скоротечности этой жизни, решимость принять волю Божию, какой бы она ни была, и внутренняя готовность пострадать за Христа...

И вот теперь эта поминальная записка... Братия молилась, когда в храм вбежал один из монастырских служек: *«Враг в монастыре! Уж всех перебили... Сюда идут!»*

Все вскочили, зашумели, а потом взгляды устремились на игумена. Тот стоял, опершись на посох, и, склонив голову, молчал. И один из самых известных монастырских богатырей, бывший воин, инок Амвросий, обратился к игумену: *«Благослови, отче, воополчиться на брань, дать бой супостату!»* Но старец сказал твердо: *«Нет, братия моя, не быть брани в храме. Это свершилась воля Божия, о ней предрекал нам преподобный отец наш Трифон и нельзя тому противиться. Молитесь, братия, готовьтесь принять венец мученический»*. И стал на колени пред Царскими вратами. За ним, верная обету послушания, опустилась на колени и вся братия.

Несомненно, Гурий Печенгский был одним из достойнейших учеников преподобного Трифона и твердой рукой управлял Печенгским монастырем вплоть до его разорения. И вот теперь игумен вывел свою братию на последнюю схватку с грозным врагом. Не с коварным и хитрым Весайненом и со всем его алчным разбойным войском, а с самим князем тьмы, с *«духами злобы поднебесной»*. Гурий чувствовал, что сейчас совершается самое главное в жизни христианина – то самое исповедание Христа, что идет до самой смерти и побеждает ее. И был он счастлив видеть, что не дрогнула его братия, от безусого послушника до седого старца, не заметалась, цепляясь

в страхе за привременное сие бытие, а исполнила главный обет иночества – послушания духовного и смирения пред волей Божьей.

А враг уже ломился в церковные ворота, огненные факелы метались в окнах. «Потом лютые звери во церковь ворвались со оружием и во храме всех предали смерти, и ради тяжчайшего мучения иных пополам рассекли, другим ноги и руки отсекли, иных вдоль рассекли. Преподобного же игумена Гурия, да диакона [иеродиакон Иосиф. – Е. М.], казны ради, различно мучали, оружием язвяще, и огнем жгуще. Но добрые Христовы страдальцы в таковом лютом мучении еретикам ничтоже отвечали и только к небесам взирали. И то видев окаянные, яко ничтоже им о казне не поведали, паче разъярившися, мечами преподобных в части рассекли, и храмы Божия осквернили и ограбили, и с посеченными преподобных телесами сожгли».

Так завершилась история первоначальной обители преподобного Трифона и его верных духовных чад. Молитвами святого печенгского старца

Господь даровал им высшую награду христианина – венцы небесные мучеников Христовых. В полной мере понимание этого великого чуда, совершенного печенгским старцем в XVI веке, раскрылось нам лишь недавно, когда осенью 2003 года, благословением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, «братия Печенгского монастыря, убиенная вместе с игуменом Гурием, [была] прославлена в лике преподобномучеников»¹.

Заключение

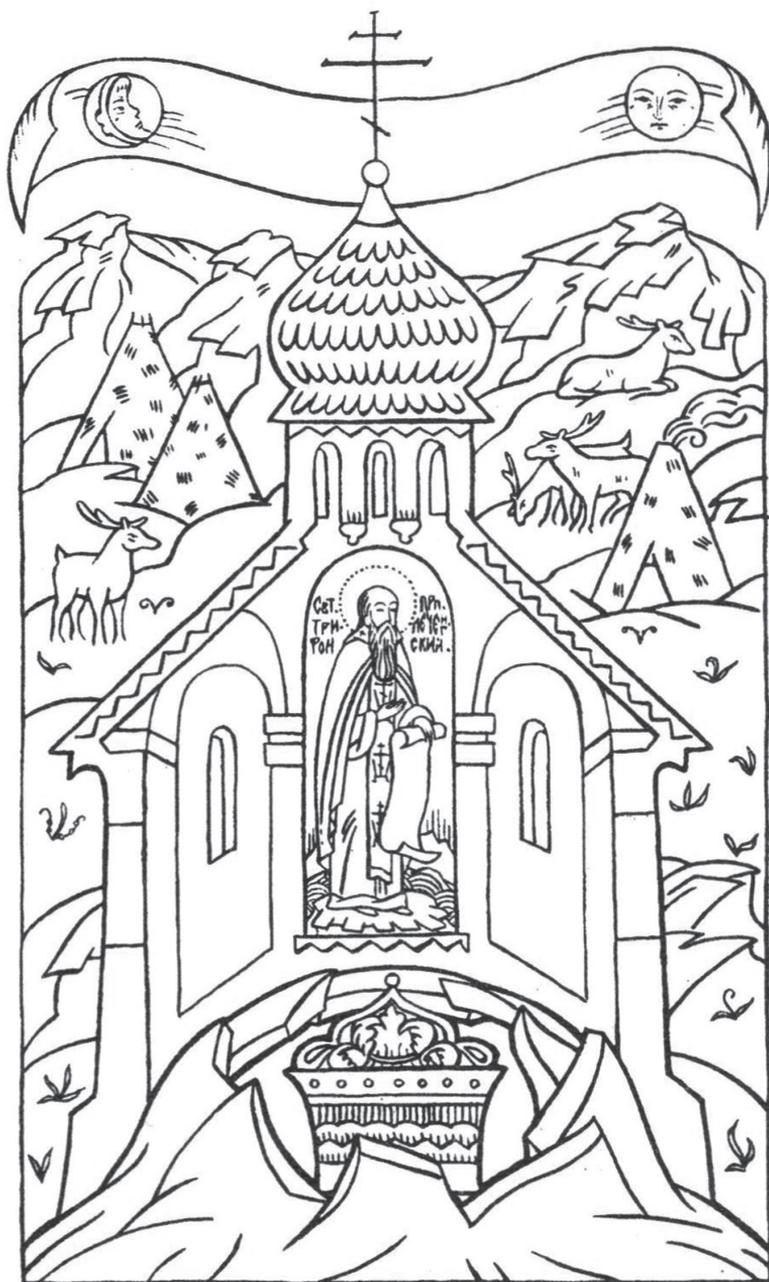
После трагедии немногие из уцелевшей братии перебрались под защиту Кольского острога. Этот Кольско-Печенгский монастырь просуществовал до своего упразднения в 1764 году указом Екатерины II о секуляризации церковных владений.

Возрождение монастыря на его историческом месте началось лишь в 1876 году. Этот весьма плодотворный и насыщенный свершениями период монастырской жизни на Северо-западе Кольского края был насильственно прерван революцией 1917 года. С 1920 года монастырь оказался на территории Финляндии. Советско-финская война 1940 года и Великая Отечественная в 1941–1944 годах привели монастырь к полному упадку. 28 декабря 1940 года органами НКВД был расстрелян настоятель монастыря иеромонах Паисий (Рябов). В этом же году в лагерях был замучен послушник Феодор (Абросимов), ныне прославленный РПЦ в лике преподобномученика.

В 1944 году, в связи с активными боевыми действиями, монахи вынуждены были покинуть Печенгскую землю и переселиться в Ново-Валаамскую обитель в Финляндии. Осенью 1944 года в ходе ожесточенных боев при Петсамо-Киркенесской наступательной операции монастырский комплекс был полностью уничтожен.

В 1996 году, с созданием Мурманской епархии, началось возрождение обители преподобного Трифона в устье реки Печенги, при уцелевшей Рождественской церкви, а с 2009 года – активное строительство монастыря на его изначальном, исконном месте. В настоящее время Свято-Троицкий Трифонов Печенгский мужской монастырь в полной мере восстановлен на своем историческом месте, там, где река Мана впадает в реку Печенгу, там, где в 1532 году основал его преподобный Трифон.

¹ Письмо Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II от 15. 10. 2003 года, на имя Епископа Мурманского и Мончегорского Симона.

КОЛЬСКИЙ ПАТЕРИК. КНИГА VII

Епископ Митрофан (Баданин)

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ТРИФОНА, ПЕЧЕНГСКОГО ЧУДОТВОРЦА

Художник *Инна Куксенко*

Редактор и корректор *Екатерина Соколова*

Обложка *Ольга Колчина*

Верстка *Ольга Марусова*

Подписано в печать 26.06.2017. Формат 70x100/16. Печ. л. 4,5
Тираж 3000 экз.

Издательство «ЛАДАН»

Санкт-Петербург, ул. Достоевского, 44
www.LadanSPb.ru

Выбрать книги, издающиеся в Североморской епархии
и посвященные Крайнему Северу, можно на официальном сайте
<http://severeparh.ru/>

Заказ на книги отправлять на электронный адрес:

kniga@severeparh.ru

или на почтовый адрес:

184606, Мурманская обл., г. Североморск, ул. С. Ковалева, д. 3

В свободной продаже книги во всех церковных лавках
Североморской епархии

Отпечатано в типографии «Моби Дик»
www.MobyPrint.ru

ISBN 978-5-9907265-9-8

9 785990 726598